

Леонид Фраймович

НИЧ НИДНИБАЙ

Леонид Фраймович

Нич Ниднибай

«Э.РА»

2014

Фраймович Л. Л.

Нич Ниднибай / Л. Л. Фраймович — «Э.РА», 2014

Книга Леонида Фраймовича – это и исповедь доброго умного, истинно интеллигентного человека, отражение эпохи через призму собственной судьбы, и высказанные в художественной форме плоды духовных исканий. Книга не сможет никого оставить равнодушным. Пишу это совершенно искренне.

© Фраймович Л. Л., 2014

© Э.РА, 2014

Содержание

Прологилги мои, так сказать, мемуары	7
Предисловиек запискам бывшего жильца	12
Часть первая	17
1	17
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Леонид Фраймович Нич Ниднибай (Записки бывшего жильца). Исправленная и дополненная версия книг Ниднибай и Ниднибай 2

При содействии издательства «Бридж» (Израиль).

Все права защищены.

Copyright © Фраймович Леонид Львович, 2011–2014

All rights reserved

Автор – выпускник советской школы, ЛИТМО и СССР, очутившийся на Земле Обетованной.

Книга – о детях и взрослых, счастье и несчастьях, здоровье и болезнях, смысле и бессмысленности жизни, любви и ненависти, нравственности и безнравственности, философии и истории, физике и математике.

Дешифрованное представлено в форме сатирической фантастики с элементами гротеска, фарса, комедии, трагедии, реализма и натурализма, приправленными незначительным количеством ума, ужаса и поэзии.

На своих многочисленных пресс-конференциях, которые, разумеется, проходили в присутствии неимоверного числа представителей средств безмассовой и массовой информации (включая бозоны Хиггса) со всех искривлений нашей необъятной или объятной Вселенной (в пределах горизонта событий), автор этой книги в начале каждой пресс-конференции упорно твердил добайтно следующее:

«Сразу отвечу оптом на часто задаваемые вопросы... Я не антисемит, хуже того, я – еврей... Я не евреефил, хуже того, я с уважением отношусь к Человекам любой национальности, расы или вероисповедания... Я не женоненавистник и не гомосексуал, хуже того, женщины мне нравятся, а к Человекам любой сексуальной ориентации ятолерантен...

И есть ЭТИ, что люблю их, – да будут счастливы и благословенны...

И есть некоторые, отравляющие Мироздание присутствием своим, презираемые мною, – пусть исчезнут они...

Я не знаю, **Кто** и почему привлёк меня к дешифрированию этого послания (лишь одного из великого множества посланий людям), но надеюсь на правильное понимание и на то, что дешифрованная *именно таким образом* шифровка, представленная в этой книге, поможет излечению душ людей, подобно тому как иногда хирург, решив вести операцию без наркоза (опасаясь, что оперируемый не проснётся после него), оказывается прав и спасает больного.

Если кто-то всё же пожелает упрекнуть меня в безнравственности, то я могу лишь отослать его (заметьте, ото-, а не по-) к предисловию «Человеческой комедии» Оноре де Бальзака (именно **де**, ибо Бальзак так хотел и имел на это прав более, чем кто-либо другой). При этом, конечно, ни в коей мере, я не сравниваю свою ничтожную по объёму и качеству работу с титаническим трудом этого гения литературы. В том же предисловии сказано, что «малое количество произведений питает большое самолюбие». Видимо, внушение мне последнего и соблазнило вашего непокорного слугу сесть задешифрирование сигналов».

*«Вот он, невиданный март!
Белых сугробов поленницы,
Санок древесный азарт,*

С горки зубами сниженьице.

*Только рукою подать
К свежести-снежности детской,
Если годков не считать,
Если покрепче взглядеться.*

*Не поднимать только век....
Детства внимать каватне
Искренней...» – и человек
Трогает ирам под щетиной.*

Проложили мои, так сказать, мемуары

Несмотря на то, что сегодня хамсин, как и обещали, состоялся, я долго не мог отогреться: от сухого воздуха всегда мёрзну. Даже в жару. Дошло до того, что включил кондиционер на тепло. Теплее стало, но воздух получился трудновдыхаемым. Выключил и решил попить горячего чая. Помогло. Правда, ненадолго. Тогда, напялив все «одежды», какие были у меня, сел печатать эти мемуары.

Давно собирался. И, как ни странно, к сему подталкивало наличие плохой памяти. Память моя обладает мощным ретроактивным торможением: новые события, которые я могу помнить достаточно хорошо, стирают в памяти старые – почти начисто.

Вот и хочу попытаться припомнить-записать эти дела прошлые. Ну, для тренировки памяти. И на всякий случай...

Было ещё одно обстоятельство, подтолкнувшее меня к «мемуаршине», однако о нём – попозже.

Итак.

Прямо из раннего детства прорастает воспоминание, что я очень любил сортировать книги. До такой степени, что обожал даже запах книг... Так... Что ещё прорастает оттуда?.. О ужас!.. Это, по-видимому, всё...

Кстати, эта страсть к систематизации осталась у меня на всю жизнь. Возможно, причиной тому была указанная выше особенность памяти и то, что всё логичное запоминалось гораздо проще и прочнее.

Родители после войны переехали из Риги в Ленинград и остались в нём. Они дали мне образование (окончил электротехнический институт) и, едва дождавшись, чтобы я пошёл работать, умерли оба, с разницей в несколько дней.

До самой пенсии проработал я инженером-электронщиком на предприятии, название которого по понятным причинам не могу вспомнить и по ещё более понятным причинам не упоминаю.

Остался холостяком, ибо, трезво оценивая свои сексапильные данные, решил не рисковать и лишь при жестокой необходимости пользоваться услугами «баб-спецназа».

Ну вот... Похоже, что мемуары мои начинают заканчиваться... Нет, всё же ещё продолжу их немного.

Добравшись до пенсии и «посмотрев ей в глаза», я понял: надо ехать. Родственников своих я не знал, но твёрдо помня (спасибо, напоминали), что являюсь каким-то евреем, решил, собрав информацию, «подняться» в Израиль. Что и сделал.

Израиль оказался несколько приятной, несколько доброжелательной и несколько жарковатой страной. Встретил меня человек из Сохнута, удививший хорошим русским языком с нехорошим акцентом, который оформил документы и отвёз моё тело и душу на съёмную квартиру... Где сейчас и сию... Печатаю...

К слову сказать, о документах: куда они делись? Я их так и не смог найти. Наверное, где-то выпали. Ещё в аэропорту. Остались одни деньги – и те нерусские.

Ну хорошо... Так вот... Сидел я и думал, что теперь без документов делать-то буду. В это время кто-то постучал в дверь. Очень захотелось сказать «йес» (ивритто ещё не сочился вместо английского), но могучим усилием воли подавив это желание, я просто сказал «угу».

Вошла молодая симпатичная женщина и спросила, улыбнувшись:

– Вы новый жилец?

Сначала удивившись своему пониманию иврита, а потом, сообразив, что это русский, я опять ответил:

– Угу.

Она объяснила мне, что вещи, которые остались в квартире, принадлежали прежнему жильцу, её отцу, и что можно ими без стеснения пользоваться, выкинув то, что не нужно.

Поблагодарив её, я спросил:

– Позвольте поинтересоваться, куда же переехал ваш отец?

Женщина ответила (после некоторого молчания):

– Оттуда не возвращаются...

Я смутился только сказал:

– Извините.

«Отсмущавшись», я поведал ей ситуацию с документами, и она оказалась настолько любезной, что обещала помочьюладить эту проблему.

И действительно уладила: и в ульпане поучился, и пособие получил... Очень я благодарен ей. Она приходила ко мне несколько раз за это время. Иногда со своей дочкой, прелестной девчушкой, с которой я с первого раза очень подружился и, кажется, навсегда.

Уже даже на иврите «чирикаю». Пошёл у меня, удивительное дело, легко. Может, в хромосомах запомнился?

Вы спросите: «Ну и что же было дальше?» Пожалуйста. Значит, так...

Поковырялся я в оставленных прежним жильцом вещах. Нашёл много полезного, даже одежду, что мне неплохо подошла. Остался от него и компьютер, на котором, собственно, сейчас и «мемуарничаю».

Но, самое интересное – я нашёл его записки и не смог преодолеть своего любопытства: прочитал их.

А прочитав, был удивлён, насколько они подтверждали некоторые мои размышления, несмотря на то что, во многом, записи были очень личные. Ознакомление с записками бывшего жильца и послужило второй причиной, побудившей меня взяться за эти, извините, мемуары.

Я позвонил той самой молодой женщине, что сказала дочкой бывшего жильца и так помогла мне, и попросил разрешения подъехать к ней.

Приехав же, я обнаружил, кроме моей замечательной девчушки-подружки, ещё двух птенцов: девочку и мальчика.

Эти крохи тоже были очень хороши. Но у них было неизмеримо много дел: то поспать, то поесть, то поплакать, то наоборот... Ну, в общем, – не до меня им было...

Пришлось раскрыть перед хозяйкой свою бестактность, то есть наглое чтение, без разрешения, записок её отца, – и удивиться её ответу: «Ничего страшного».

Может быть, она их не читала?..

Набравшись беспрецедентного нахальства, я попросил позволения напечатать эти записки в своих мемуарах в качестве иллюстрации к собственным размышлениям и получил согласие.

Так что теперь вполне законно можно включить его записки в мои, так сказать, мемуары.

Немного смущала странность записок в некоторых (весьма протяжённых) местах. Но из дальнейших расспросов дочки бывшего жильца я понял, что её отец всегда относился к жизни не совсем реалистично.

Ну ничего... Состряпаю своё предисловие к его запискам (в шуточной форме, чтобы разбавить их мрачноватую тональность), эпиграфы подберу, добавлю, возможно, послесловие, и глядишь: впрямь мемуарами забрезжит, а может, даже и того посвирепей.

Теперь же, не ко сну будь сказано, о моих философствованиях.

С некоторых пор, по-дилетантски глубоко овладев специальной и общей теориями относительности и на той же глубине всяческой математикой (включая, вероятно, теорию вероятностей), квантовой механикой, физикой элементарных частиц, космологией, генетикой, историей и чёрт знает какими марксистско-буржуазными философскими течениями (от Гегеля, Энгельса, Льва Толстого, Пастернака и Бергсона до Стругацких и самого Жванецкого), я начал

подозревать, что не всё так просто в этом мире, как объясняли сосед Рабинович с Ньютоном и Маркс с Лениным. Хотя и у них было достаточно неприятностей...

Окончательно добил меня Иммануил Великовский, ибо после прочтения его книг я окончательно перестал понимать порядок сцен «человеческой комедии», а также зачем египтянам и евреям это всё надо было...

Возьмём, к примеру, такую «простую» вещь, как наше «Я», в котором сами же мы и «трепыхаемся». Ну хорошо: «... объективная реальность, отражающаяся в нашем мозгу». Ну и что? А ответьте-ка мне, «батенька», на некоторые «дурацкие» вопросы.

Как из *множества* нервных клеток получается *единое* «Я»?

Каждая из клеток – это же бывшая одиночка эукариота. А во множестве клеток дерева или множестве элементов компьютера есть их «Я»? А во множестве атомов камня?

Как это «Я» поднимает вверх руку по собственному желанию? Ах, только не нервнируйте меня этими нервными рассказами про нервные импульсы: можете сутками пялиться на вашу руку и посылать ей мысленные нервно-импульсные приказы вместе с матерными словами – без толку... а потом вы «просто» поднимете её (руку) – и всё. Как вы это сделали? Откуда взялось это действие? Кто его хозяин, то есть где оно началось, где его истоки – истоки «свободной воли»? Кстати, не сидит ли в истоке «свободной воли» фундаментальная случайность («... И случай, бог изобретатель...»)?

А вот ещё вопросик «на засыпочку». Берём делаем два одинаковых мозга, одинаковых до последней, извините, элементарной частицы. Всовываем в них абсолютно одинаковую информацию и начальное состояние.

Ну, и что вы себе думаете? Это будут два разных «Я» или одно «Я»? Что?.. Что-то не расслышал.

Ладно, тут у меня есть подсказка. Мне кажется, в Мироздании уникально всё... Всё... Каждая элементарная частица. Каждый, простите, квант времени. Ибо нет тождества, а есть только подобие. И существуют множества очень подобных объектов, которые мыслятся, как тождественные. Множество же различных состояний Мироздания есть множество квантов глобального времени Мироздания.

Два объекта, находящиеся внутри одного кванта времени, как бы одинаковы они ни были, минимум, должны отличаться положением в пространстве и будут (поэтому) лишь подобными (иначе они слились бы в один объект, и невозможно было бы говорить о *двух* объектах). Два же объекта, находящиеся в разных квантах времени и имеющие одно и то же положение в пространстве, как бы одинаковы они (объекты) ни были, минимум, отличаются этими самыми квантами времени... Таким образом, создание двух тождественных мозгов в принципе невозможно: это всегда будут два разных «Я».

Но подойдём с другой стороны. Вы, наверное, слышали о раздвоении личности? Ну, простая диссоциация. Более того, есть расстройство, расчленение и ещё «расколькоконезнаю ение» личности. Утром такой – вечером сякой. Полдня такой – полдня сякой. И все «Я» могут друг о друге ничего не знать. Хоть пользуются общим телом. Как общественным туалетом. Опять же возникает «дурацкий» вопрос. А можно ли «сшить» два мозга так, чтобы из двух личностей образовалась одна общая? Ладно, опять подскажу. Ответ простой до изнеможения: «А хрен его знает».

Ещё такое дело. «Я», оно ж каждое мгновение другое. Течёт непрерывно оно, изменяется. Тут особая благодарность *бывшему товарищу* Анри Бергсону. Удружил.

С одной стороны – множества. Значит, должны быть границы или хотя бы «линия прекращения огня»: дискретность полей-частиц (квантовые поля), наличие, возможно, квантов глобального времени-движения изменения Мироздания и локальных его (глобального времени) разрывов (некстати скажу, что в исходном многомерном пространстве разрывов, возможно, нет, ибо тогда разрыв и нужно считать исходным пространством, однако пузырь, например,

трёхмерного пространства внутри исходного многомерного пространства может иметь разрыв, уходящий в другие измерения). С другой стороны – непрерывная длительность и только она, как утверждает *господин* Бергсон (Аристотель ему товарищ). Множества – это лишь наши мозговые модели? Есть ли уникальные, целостные, мгновенные, непрерывно текущие наши «Я», составленные из множества объектов?.. Или каждое «Я» есть не составной объект, а некая неделимая сущность?..

А может быть, есть только одно, единственное на всё Мироздание, (**Мировое**) неделимое длительность «Я», а каждое индивидуальное «Я» лишь воспринимает его («**Мировое Я**»), причём каждое на свой лад воспринимает? Тоже ещё вопросик... Если бы было **одно «Мировое Я»** на всех, то почему моё «Я», будучи приёмником «**Мирового Я**», не чувствует другие «Я» из этого единого «**Мирового Я**»? Или некоторые «Я» чувствуют, а некоторые нет?..

Предположить же, что есть только одно моё «Я», и всё **Мироздание** только спектакль внутри него (**моего «Я»**), неправдоподобно по двум причинам: уж слишком **Мироздание** независимо от **моего «Я»**; есть объекты в **Мироздании**, которые так же, могут утверждать, что есть только **их «Я»**. Но, с другой стороны, дважды в своей жизни терял я сознание: один раз под общим (прошу прощения у специалистов за бытовую терминологию) наркозом и один раз просто так. И хорошо помню, что ничего не помню. То есть этот кусок жизни-длительности выпал из моего сознания. **Мироздания** для меня не существовало в этот период. Однако я вижу, как другие «Я» исчезают, их отработанные тела закапывают в землю или сжигают, а моё «Я» и **Мироздание** остаётся пребывать. К слову сказать, лучше заменить термин «Я» на термин *душа*: удобнее печатать.

А ещё эти штучки с как будто много раз документально зафиксированным выходом души из тела во время операции под общим наркозом. И эта выскочка-душа без глаз, без ушей (ибо они остались на операционном столе) в нужном ракурсе всё видит, слышит и помнит в таких деталях, которые человек без сознания знать не мог бы... Что бы это всё могло значить?..

Однако плюнем на вышестоящие философствования и перейдём к **Главному** вопросу: крепко ли нас подталкивает к признанию существования **Б-га-Мироздания** логичность и последовательность наказаний отдельных людей, семей, поколений и даже целых народов?

С целью иллюстрации возможного ответа на последний вопрос я и включил записки вышеупомянутого бывшего жильца в свои, простите, мемуары.

Кстати, о жильце. Бывшем.

Его дочка показала мне некое письмо.

Оно гласило:

«От Всеукраинского общества любителей эвтаназии.

Рады сообщить, что ваш отец успешно прошёл эвтаназию с последующей кремацией и развеиванием праха. В месте развеивания праха, в г. Аккермане, на еврейском кладбище, установлена памятная табличка».

И всё.

Главное, что настораживало, – ни подписи, ни печати. И бланк не фирменный, что вообще потешно.

Но, как уже доказано выше: «Есть многое на свете друг Гораций...»

А уж в бюрократии. Только держись...

Я высказал свои соображения ей. В ответ она только грустно улыбнулась.

Без подписи и без печати – и улыбаться?.. Да, странный был, однако, человек её отец...

Знаете, что я вам скажу? Я тут сегодня провозился с этими... мемуарами. У меня от них уже отрывка пошла...

А ведь есть дела и посерьёзней: мне вот завтра назначена встреча с одной маленькой девчушкой и с её сестричкой-братишкой-малявками (ну, внучатами того, развеянного).

Так что для моего и вашего же расслабления закруглюсь я пока.

Отдохнуть надо: **ИГРАТЬСЯ** – это вам не мемуары сочинять.

Там **ДЕЙСТВО** поважнее будет.

Предисловие к запискам бывшего жильца

*Все права защищены.
Copyright © бывший жилец, ~13,7 *10⁹ лет В.С. – 0 – ~10100 лет.
All rights reserved, а все совпадения или несовпадения могут быть
и случайными
Из наивных мыслей*

Возможно, всегда существует себе пространство-Мироздание (может быть даже многомерное) со своими проблемами, непонятно отчего возникающими: казалось бы, существуй себе да существуй, только тихонько.

Так вот... одной из таких трудно поддающихся пониманию проблем стало то, что, возможно, в нём (в пространстве-Мироздании) произошёл очень Биг Бэнг (по сути дела, теракт), когда после провозглашения независимости гравитации давление ложного (я бы даже сказал лживого) вакуума или там какого-то, пусть и не ложного, осциллирующего скалярного поля показало себя с такой отрицательной стороны, что привело к жуткой инфляции и появлению, прошу прощения, нашей Вселенной (размером... то ли с маковое зерно... то ли с горошину... то ли с грецкий орех... то ли с апельсин... то ли с почти бесконечность...). Вселенной, кстати, ещё совсем сопливой, по мнению одной секунды, но уже живущей не по законам сингулярности, а по вполне антропным понятиям.

Дальше – хуже: в нашей Вселенной образовалась весьма горячая обычная материя, возможно, вперемежку с тёмными материей и энергией → бардак с аннигиляцией, возможно, не без пособничества X-бозонов, Y-бозонов и хиггсовских бозонов, окончившийся хищением антивещества → из-за расширения пространства очень сквозило и потому холодело в нашей собственной Вселенной, которая так до сих пор всё расширяется и холодеет (возможно, ещё вдобавок и от ужаса) → наступила, извините за выражение, эра радиационно-доминированной плазмы со своим нуклеосинтезом, то есть образованием ядер водорода, а также ядер гелия и лития → кончилась эра, за которую я уже извинялся, и образовались нейтральные атомы вышеуказанных элементов → некоторые атомы тянулись друг к другу и стали настолько близки, что это закончилось беременностью нашей Вселенной и рождением ею первых звёзд (звёзд первого поколения), в которых завязался термоядерный синтез ядер тяжёлых элементов. Звёзды же эти скапливались в дозволенных и недозволенных местах, чем вызывали образование галактик → вследствие этого всего балагана, звёзды первого поколения лопнули, и наша Вселенная осталась ни с чем, то есть с чёрными дырами и полысевшими атомами-ионами.

Сделаем перекур, чтобы успели образоваться звёзды второго и последующих поколений, исчезнуть эти сволочи (звёзды первого поколения) и произойти, опять же извините, повторная рекомбинация атомов межзвёздного и межгалактического вещества...

...И продолжим.

История повторяется, но, как говорится, «второй раз в виде фарса», потому что этот звёздный молодняк начал опять скапливаться, образовывать галактики, группы галактик, скопления галактик, сверхскопления галактик, и дошло до того, что стали образовываться нелегальные ячейки из сверхскоплений галактик. Во всей этой свистопляске никто не заметил, что у Вселенной, неизвестно от кого и отчего, родилась наша Галактика, а у той, в свою очередь и тоже неизвестно отчего и от кого, – Солнце со своей планетной системой, в состав которой вошла и наша Земля (Гея), ошибочно причисленная, видимо впопыхах, к сексменьшинству.

Опять перекур, потому что у Земли начался катар верхних и нижних, задыхающихся без кислорода, путей (Катархей)...

Нужно подождать, пока он пройдёт. То есть пока произойдёт формирование первичной атмосферы, первичного океана и первичной земной коры, а также пока появятся в первичном океане органические вещества, вплоть до аминокислот, и, прощу прощения, нитей полимеров рибонуклеиновых кислот с последовательностями нуклеотидов, являвшимися кодами для их (нитей) самовоспроизведения, а позже и кодами для синтеза белков из аминокислот... Таким образом, мы дождалась появления первичных живых организмов, что было, как выяснится всего через каких-нибудь несколько миллиардов лет, увы, ещё не самое страшное.

«Засим имелся» Архей.

Ничего такого особенного. Просто благодаря эволюции первичных живых организмов, в океане появилась зараза и витамины: одноклеточные безъядерные организмы – прокариоты (одноклеточные археи и бактерии, в том числе цианобактерии, называемые ещё сине-зелёными водорослями).

Протерозой.

Ну, тут началось.

Эти прокариоты начали сожительствовать, из-за чего, стыдно сказать, возможно, и появились те самые одноклеточные эукариоты-протисты с хромосомным ядром (подобные растениям, грибоподобные, животноподобные).

А потом цианобактерии так насмердели кислородом в океане, что, вынюхав всё это, анаэробные прокариоты и эукариоты, по большей части, сыграли в ящик.

И пошло и поехало. Содом. Аэробные одноклеточные эукариоты обрадовались и (эукариота от прокариоты недалеко падает) начали тоже сожительствовать с разделением труда (специализацией у них это называлось). До чего, мерзавки, додумались!

Всё, пиши пропало: стали многоклеточными. Да-с... К-и не к столу будь сказано: растениями; грибами; беспозвоночными животными, то есть губками, а то и кишечнополостными (медузами, кораллами, паразитами).

Кстати, о кишечнополостных. Эти, вообще, задницу от головы отличить не могли (уже попозже, став первичноротыми, сообразили что где. И то не все). Но в ус не дули (поскольку не знали, где он), а произвели первичноротых низших червей и предков вторичноротых (хотя ходят слухи, что предки вторичноротых от низших червей пошли). Потом покруче первичноротые возникли: тоже черви, немертины, плеченогие, мшанки, фороиды, моллюски. А потом, «ваще», – членистоногие заявили.

И тут, «бэмц»!.. Континент лопнул.

Ну, конечно, пробка... Пока с ней разбирались, тёплая вода незнала, куда течь...

Короче, получай оледенение. И не простое, а глобальное. 90 % живности передохло.

Такой вот неприятностью и закончился Протерозой, а с ним, к чертям собачьим, весь этот Докембрий.

А... Вот и Фанерозой забрезжил. Палеозойской эрой ослабился, кембрийским периодом помахивает.

Вулканы от зимней спячки проснулись. Горячую воду дали. Кислородную подушку.

Прямо весна.

Ну, тут все обрадовались: пошли мутировать. И археи, и бактерии, и растения, и грибы, и протисты. А животные! «Скелет хош? На! Раковину хош? На! Панцирь? На!».

Так засустились, что не заметили, как ордовикский период наступил. Предки вторичноротых поднатужились (хоть и животными были, но тоже хотели – «как лучше») и «замутировали» первых хордовых, а те, в свою очередь, – первых бесчелюстных позвоночных...

И доигрались...

Наступил силурийский период, и от бесчелюстных позвоночных рыбы возникли. И не просто возникли, а плавать стали. И не где-нибудь, а в Мировом океане знакомой нам планеты – Земля.

К слову сказать, вообще до силурийского периода вся живность в воде и бултыхалась. В океане. Нет, ну кто умел плавать, те, конечно, плавали.

По течению, а особоупрямые – против и поперёк.

Но что? Дезодорантов на фреоне тогда ж не было. И озон таки накапливался.

И накопился.

Ультрафиолетовые лучи от «красна Солнышка» стали, как в солярии. «Прошу пани» на берег.

Ну, на сушу, значит. До континенту.

И повылазили. Сначала членистоногие и некоторые водные растения, которые теперь земными растениями сказались. И набрали полную грудь воздуха...

Но тут наступил девонский период. Он, этот период, конечно же, начался с неприятностей: вымерло большинство форм граптолитов, трилобитов, цистоидей и наутилоидей. Особенно обидно за граптолитов и цистоидей: так и не довелось мне с ними встретиться.

Но были и хорошие новости: появились споровые растения и земноводные (амфибии), то есть первый деликатес, конечно, для тех, кто попозже будет понимать (по-французски).

И ещё одна хорошая новость: наступил каменноугольный период (Карбон по-ихнему).

И хорошее в нём было то, что появились деревья, и, опять же для тех, кто понимает, зародились запасы угля и нефти.

Но, конечно же, в бочке нефти всегда есть ложка дёгтя: появились пресмыкающиеся (рептилии), по сути дела, гады.

Я не знаю, может, название периода им не понравилось или что. Но в следующем, пермском, периоде вымерло 95 % всех видов живности. Досадно. А может, к лучшему?..

Хочу обратить внимание, что до сих пор мы «сидим» в зоне Фанерозойи, кстати, так из него никогда и не выберемся. Хотя, как знать?..

Но по крайней мере, мы можем себе позволить выбраться из этой гнусной эры Палеозоя, перейти в не менее гнусную эру Мезозоя и сразу окунуться в её триасовый период с первыми динозаврами (хотя, как были они пресмыкающимися, так ими и остались) и первыми яйцекладущими млекопитающими. И тут же, не теряя времени, – в её, ну, мезозойской эры, юрский период: динозавры балдеют, цветут и, особенно, пахнут, первые птички защebetали. Сумчатые млекопитающие появились. Непонятно зачем (супермаркеты им ещё только в страшном сне могли присниться)?

Под щебет птиц и довольные улыбки динозавров переместимся во времени в меловый период...

И вот тут...

Кто их всех порешил? Вопрос серьёзный. Ну, динозавров, птеродактилей и всяких гигантов этих.

«Счас» начнут лапшу вешать: мол метеорит, страшные вулканы, особенно, в Сибири, метан со дна океана, глобальное потепление, просто выродились, жрать нечего стало, так как всё сожрали так далее...

А я так скажу: сформировали бы тогда, по очень горячему следу, Следственную Комиссию – она бы разобралась бы.

Но, видно, некому было формировать. Или не из кого?..

А если и сформировали, то принтеров не было, чтобы выводы отпечатать. А если и были, то фиг теперь найдёшь эти все бумаги после всяких там метеоритов, вулканов ит. д.

А без бумажки и динозавр – кашка.

Ну хрен с ними: и с комиссией, и с динозаврами. А вот птеродактилей жалко. Видно, не судьба...

Правда, появились первые плацентарные млекопитающие, но это слабое утешение...

Перейдём к следующему тосту... То есть... к следующей эре, которая, кстати, тоже никак не кончится.

Кайнозойская.

Тут уже надо быть действительно осторожным, потому что в её, ну, кайнозойской эры, палеогеновом периоде появились первые полноценные млекопитающие, а вслед за этим – полуобезьяны.

Всё было бы ещё ничего, но от полуобезьян появился некто, о ком наши учёные подозрительно молчат.

А от этого «некто» произошли обезьяны Африки и Евразии и...

Ну, кто скажет?..

Да на себя в зеркало посмотри!

Правильно: гоминиды, читай человекообразные обезьяны, рамапитек тому свидетель.

Ох, чует моё сердце недоброе.

Ну конечно, в неогеновом периоде: «Здравствуйте, я австралопитеки буду у вас жить».

То ли рамапитеки их настрогали, то ли другие «лучшие» гоминиды того «своего» времени, но что теперь уж поделаешь. Как я и предупреждал, случилось самое страшное: эти человекообразные, австралопитеки, уже начали мыслить, а затем и работать орудиями труда (или в обратном порядке?.. или одновременно?..), то есть начали что-то осознавать.

Я думаю, вы согласитесь со мной, что нет ничего ужасней этого!

Кроме того, эти «лучшие» гоминиды произвели в том же неогеновом каких-то, тоже умных, «череп 1470»-тых.

И теперь в нашей эпохе Голоцена четвертичного периода (по простонародному – антропогенового, обращаю внимание: не «д», а «т») кайнозойской эры фанерозойского зона высоколобые ломают себе головы: от кого же произошёл Гомо Сапиенс. То ли напрямую от этих «череп 1470»-тых, то ли через Гомо Эректуса. А может, эти «череп 1470»-тые отупели и превратились в австралопитеков, а те, в свою очередь, поумнели и произвели Гомо Хабилиса. Последний выдал Гомо Эректуса, а этот – Гомо Сапиенса. Или справились без «череп 1470»-тых вообще. А тут еще подоспели питекантропы с синантропами – тоже, видимо, не дураки были. А неандерталец тот вообще – «голова». Короче, преднамеренно запутывают следствие. Видно, Уголовный Кодекс ещё не нюхали.

Да ну их!

Так вот, «прилетаю я» в четвертичный период. «Вы не были» в четвертичном периоде? Да не в голоценовой эпохе (и так в ней сидим, достаточно в магазине на цены посмотреть). Прилетаю в эпоху, что плейстоценовой кличут (цены ещё игрушечные были), а там австралопитек сидит лыбится. Гомо Сапиенс с Гомо Эректусом в шахматы режутся, питекантроп с неандертальцем (эти попроще) – в нарды. А эти типы, Гомо Хабилис и «череп 1470»-тый, по нужде вышли, нуждающиеся они, видите ли. Но меня не это волновало. Погода тогда знаете, какая была? То холодно: оледенение Земли пошло (гололёд, кстати, страшный), ещё хорошо, что не глобальное, – то теплынь, до потопа прямо. Бедняг мамонтов (да и других крупных животных) эти скачки температуры просто замучили... А кондиционеры тогда ещё дорогие были. Ну, они... Короче, «коньки отбросили». Тем более что лёд всё равно таять начал... Или начнёт?..

Ну вот и всё.

Дальше было всё просто.

Этот тип, Гомо Сапиенс, строил, строил умняки докатился до того, что стал Гомо Сапиенс Сапиенсис. Тут как раз опять холодрыга с оледенением подкатила. Ну, он приоделся. Конечно, не от кутюрье, но всё же... Потом за кроманьонца себя начал выдавать... Граффити увлёкся...

И пошло, и поехало... Короче, воевать и убивать стали уже по-крупному. А значит что?..

Правильно: зародилась и начала развиваться цивилизация, правда, говорят, – нулевого уровня.

Так вот она себе развивалась и развивается по сей день, умудряясь оставаться всё время на нём же...

А что с некоторых пор эта, извините, цивилизация вытворяла, вы, уж наверняка, знаете.

Проще не бывает (и лучше уже тоже никогда не будет): додинастический Египет, Сузы, Шумер → Древнее Царство в Египте (уже с тех пор начали мучиться со всякими фараонами), Аккад → Среднее Царство в Египте → зарождение иудаизма → Моисей выводит евреев из Египта, Троя и Греция → эпоха судей Израиля → Саул – первый царь Израиля → Давид – второй царь Израиля → Соломон – третий царь Израиля, построение Первого Храма в Иерусалиме → раскол Израиля на два царства: Иудею (южное) и Израиль (северное) → еврейские пророки, северное царство уничтожено Ассирией (население рассеяно: десять колен, как и не было), Гомер, основание Рима → Вавилония уничтожает Иудею, разрушает Первый Храм и Иерусалим (опять рассеяние и вавилонское пленение евреев) → Персия завоёвывает Вавилонию, возвращение части евреев из Вавилонии в бывшие районы Израиля и Иудеи, построение Второго Храма в Иерусалиме, греко-персидские войны, Марафонское сражение, возникновение Римской республики → Македония (Греция) побеждает Персию, бывшие районы Израиля и Иудеи под владычеством Македонии, Рим – владыка Италии → распад Македонии на царства Селевкидов и Птолемеев, Пунические войны Рима с Карфагеном, еврейское восстание Маккавеев (Хасмонеев) в бывших районах Израиля и Иудеи, находящихся под владычеством царства Селевкидов → Рим разрушает Карфаген и завоёвывает Грецию, Хасмонеи изгоняют селевкидов и еврейская династия Хасмонеев правит в бывших районах Израиля и Иудеи, которые называются теперь Иудеей, борьба фарисеев и саддукеев → Римская империя завоёвывает Иудею, Иисус Христос, становление христианства → первая Иудейская война евреев с римлянами, разрушение Второго Храма, разрушение Иерусалима римлянами, снова рассеяние евреев → вторая Иудейская война евреев с римлянами (Бар-Кохбы), запрет на вход в Иерусалим (который был отстроен римлянами под другим названием) для евреев, вновь (и очень мощное) рассеяние евреев по миру → Римская империя переходит от язычества к христианству → распад Римской империи → возникновение Киевской Руси (на северо-востоке, далеко за пределами бывшей Римской империи) → татаро-монгольское иго на Руси → независимая Россия → Первая мировая война → Октябрьская революция в России → гражданская война в России → образование СССР → Вторая мировая война → присоединение Бессарабии к СССР → Великая Отечественная война в СССР → победа стран антигерманской коалиции над Германией и её союзниками во Второй мировой войне → провозглашение государства Израиль, в СССР родился бывший жилец...

Теперь, когда нам стало известно, что было раньше, мы с гораздо более глубокомысленным видом будем пытаться понять то, что потом из всего этого получилось...

Часть первая

Упорядоченные записки бывшего жильца

*Привет! Как дела? Можешь не отвечать.
Из SMS*

1

Какой ужас! Я – еврей! Мама всё рассказала: мы, то есть папа, мама, я и сестра, принадлежим к проклятому народу евреев. Это тот самый народ, который распял Христа. И за это другие народы ненавидят и презирают их.

Сегодня Сёмка, из дома возле базара, рассказал мне, откуда берутся дети. Оказывается – для этого папы и мамы должны чухаться. Непонятно, как от простого чуханья могут появляться дети, но мне теперь стыдно. Я просто не могу смотреть на взрослых.

Витька, наверное, не знает, что я еврей. Сегодня на линейке кто-то назвал меня жидом, и он полез драться. Его все боятся. Он самый сильный в классе. У него руки длинные и прямо, как крюки.

Первый раз видел, как папа плакал. Мама заболела. Он думает, что она умрёт.

Дети из школы дразнили контуженного на войне человека. Он бросил в них огромный камень, который пролетел рядом со мной и ударился со страшным грохотом в ворота школы. Всё произошло так быстро, что я даже не успел испугаться. Я испугался уже потом, когда представил себе, как плакал бы папа, если бы камень попал в меня. Но я не дразнил же.

Папа сказал, что купит телевизор! Чтобы маме не было так скучно сидеть: она теперь не может ходить. Класс! Мало у кого в городе есть телевизор.

Есть телевизор! Соседи ходят к нам смотреть. Николай Иванович и Марья Ивановна. Папа и мама их очень уважают. Мама даже заставила сестру извиниться, когда она сказала Марье Ивановне «дура».

Сестра пролепетала:

– Малья Вановна, звените, со вы дула. Соседи очень смеялись. Даже мне было смешно. Они учителя. А Николай Иванович вообще директор школы.

Пацаны в школе скручивали и курили сухие листья. Я тоже попробовал. Какая гадость!

Вовка из соседнего дома сдёрнул с меня трусы, когда я разговаривал с Маринкой, соседкой из другого бока нашего дома. Я от стыда расплакался, а Маринка стала меня утешать, что она ничего не видела. Потом взяла и поцеловала меня в щёку. Странная какая-то.

Хоть бы меня забрали из этого пионерлагеря! Сегодня в уборной один пацан посмотрел на меня и спросил:

– Ты что, бедненький, из евреев?

Я хотел сказать «нет», но сказал «да». Как он догадался?! А вожатый, который рядом с уборной зачем-то лапал вожатую, подмигнул ей и сказал:

– Каждая царапина укорачивает жизнь.

У нас, видимо, всё-таки один живой дедушка есть.

Папа с мамой всё время говорили, что все наши бабушки и дедушки погибли во время войны. Но оказывается – этот дедушка поссорился с мамой, и они долго не разговаривали.

А теперь, когда мама заболела, он приехал мириться и даже плакал.

Сидели мы на уроке. Вдруг дверь открывается, и кто-то как закричал:

– Человек в космосе!

У меня сердце радостно ёкнуло: вот оно, началось! Что-то из чудесно-странного. Космические полёты. Другие миры... Уже никаких уроков не было. Все только радовались. Но говорили почему-то о том, какая наша страна сильная, что мы уже теперь точно перегоним Америку, построим коммунизм, все люди будут братьями и будут жить мирно. Скорее бы.

Этот жирный первоклашка с круглой и розоватосвинячьей мордой испортил мне весь новогодний вечер. Нам сказали смотреть, чтобы младшие не трогали ёлку, а он что-то пытался оторвать от неё. Я подошёл и схватил его за руку. Он вырвал руку и сказал:

– Пошёл вон!

Я разозлился и тихо проговорил:

– Ты чего орёшь?

А он мне в ответ:

– Я знаю, кто ты.

Я почему-то спросил, кто.

И тут этот кабан как закричит:

– Жид!

Меня как будто кувалдой по голове грохнули. Язык отнялся. Многие слышали, и я видел, как некоторые ослабились. И главное, слышала Верка, самая красивая девчонка в школе.

Вчера на медосмотре каждого пацана подзывали к столу и заполняли анкету. У нас в классе все оказались украинцами, кроме длинного Вальки и меня: мы оказались русскими.

Когда мы выходили, длинный Валька подмигнул мне и сказал:

– Мы с тобой самые умные.

Папа рассказал, что, когда его во время войны после месяца на фронте под Сталинградом отправили вместе с другими бессарабцами работать на шахту в Сибирь, какой-то власовец прицепился к папе, что он еврей, и они подрались. Это было на краю шахты. Оступившись, власовец не удержался и упал в шахту. Папа был в ужасе.

Вокруг было полно народу, шахтёров. Кто-то похлопал папу по плечу и сказал:

– Идём.

Больше никогда никто не вспоминал об этом случае.

Я спросил папу:

– Приходилось ли тебе стрелять в немцев на фронте?

Он ответил:

– Приходилось.

Я говорю:

– И они падали убитыми?

Папа сказал:

– Не знаю, – и перевёл разговор на то, как, будучи страшно голодным во время войны, съел полную кастрюлю варёного лука.

Его потом стошнило, и он вырвал всё. С тех пор он на варёный лук даже смотреть не может.

А мама возразила, что у них, во время блокады Ленинграда, такое блюдо считалось бы деликатесом.

Переходим в другую школу. Будем учиться теперь одиннадцать лет. Вот не везёт!

Сегодня мой друг мне сказал, что за мной «гоняется» одна девчонка. Потом добавил:

– Ты, вообще, хороший пацан, если бы не... – и замолк.

На пляже познакомился с курортницей, Олей. Тоненькая, с глазами, как море. Она только мне доверила смазать её кремом от загара.

Пока смазывал, она успела прощebetать и всю свою родословную, и что мама у неё русская, а папа калмык, и еще многое другое.

Вдруг этот одноглазый придурок говорит:

– Калмык?!

Оля ему:

– Калмык. А ты что – националист?

Он отвечает:

– Нет. Я люблю все национальности, кроме жидов, которые вечно дрожат.

Я сказал, что пойду в туалет, и ушёл с пляжа. Больше Олю я не видел.

Наконец-то понял, почему в свободно падающем на Землю лифте наступает невесомость. Потому, что сила тяжести в том и проявляется, что лифт и все предметы в нём, падают.

Для того чтобы медленно поднимать вверх какую-либо массу в таком лифте, нужно лишь небольшое усилие для замедления этого падения. Если же лифт не падает, то для такого же результата нужно сначала приложить усилие, полностью препятствующее падению массы, а затем добавить к нему ещё небольшое усилие.

Подрался с Джоном. Он меня толкнул в классе. Я упал, вскочил и в ярости ударил его кулаком в скулу.

Потом, когда мы помирились, Джон сказал мне:

– У тебя было такое зверское лицо, что я просто опешил. Поэтому и не дал сдачи.

Теперь ясно, почему космический корабль вращается вокруг Земли и не падает на неё. Дело в том, что, на самом деле, он всё время свободно падает на Землю, но никак не может упасть, так как касательная к орбите скорость всё время поднимает его ровно на столько, на сколько он упал. Поэтому-то в таком космическом корабле и невесомость, как в свободно падающем лифте.

Выпускной вечер. Почему-то тоскливо. Теперь поеду поступать в институт. В этом году два выпуска: десятые и одиннадцатые классы. Конкурс будет дикий. Хуже всего, что как раз во время экзаменов в институт будет чемпионат мира по футболу – фиг посмотришь.

Папа рассказывал, как он потерял полноги. В 1942 году, после месяца боёв на фронте у ст. Карповка, что под Сталинградом, всех бессарабцев, и его в том числе, сняли с этого фронта и послали «отдохнуть» на три года в сибирскую шахту.

В 1945 году опять взяли в армию и направили к границе в Забайкалье. Там его и ещё несколько солдат отправили на боевое задание и при этом «забыли» сказать, что по дороге есть своё же минное поле. Конечно же, они подорвались на mine, и осколок попал папе в ногу.

Только в 1946 году попал в Иркутский госпиталь, но было уже поздно: гангрена – пришлось отрезать нижнюю часть ноги.

– Зато, – добавил папа с улыбкой приятного воспоминания, – отъелся: шея была шире головы.

Ленинград не такой, как я думал. Мрачнее. Общежитие грязновато.

Кроме меня, в комнате ещё трое. Один – кубанский казак, который почему-то воробьёв называет «жидами». Другой – с хорошим музыкальным слухом – всё время выбивает пальцами на столе «восьмёрку» (от него и я научился). А третий – всё время мне говорит:

– Ты, вроде, русский, а нос у тебя нерусский.

Каждый вечер в доме напротив общежития какая-то молодая женщина в ярко освещённой комнате, стоя лицом к окну, снимает с себя лифчик, и множество абитуриентов с радостным оживлением комментируют это событие. Абитуриентки тоже комментируют, но с возмущением и завистью.

* * *

Оторвите меня билетиком,
Бросьте в ящичек «Для использованных...»:
Я хочу полежать отогреться там
От вконец надоевшей осени.

Заверните меня в обёрточку,
Прицепите на ней наклейку,
Что я зла накопил лишь горсточку,
Что я жизнь собирал по копеечке.

* * *

Пораскиньте своими кудряшками,
Разудалые боги древности:
Ну зачем вы такими зигзагами
Изукрасили род человеческий?

Крохотное, но едрёно-ядрёное напутствие начинающим коричневый садистам

Значит так. Начинайте с несложного:
Пристрелите пару еврейских
(Коли нечем стрелять, то повесьте их.
Для потехи – и за ноги можно).

А теперь о интимном: пытайте по-разному.
Без «банала»: себя ж услаждаете.
Например, если иглы под ногти втыкаете,
То потом нестандартно выбейте глаз ему.

Получив же влюблённую пару,
Хорошо бы связать их вместе.
Пусть попялят на дружку «фары».
Постарайтесь держать их так с месяц.

В каждом деле нужна капля дерзости,
Ну, чтоб жизнь была бываем в радость.
Не достигнуть садисткой свежести,
Не любя страстно делать гадость.

Не поступил. Тошно. И стыдно перед родителями. Надо было набрать 15 из 15, а у меня только 12. Возвращаюсь домой.

Дадут ли на следующий год ещё раз попробовать?.. Или заберут в армию?..

* * *

Уберите свои датчики!
Что карманите в моём сердце?
«Подъевреивал» я удачу,
А «съевреил» в котёл дверцы.

Приехали в село на комбинат провести телефон для директора. Дядя Саша (так я называл старшего надо мной смуглого, высокого, симпатичного монтераеврея) попросил секре-

таршу-нацменку, которая, приняв его за своего, уже начала с ним заигрывать, сказать, что приехали монтеры, и назвал свою фамилию. Она зашла к директору...

...Вышла оттуда с надменным лицом и произнесла:

– Директор сказал, что сегодня не надо, а завтра пусть пришлют кого-нибудь другого.

Вышли на улицу – по радиоточке Ойстрах играет на скрипке. Дядя Саша говорит:

– Вот умел бы ты так на скрипке играть – не работал бы монтером. Жлобство, пьянь, похабщина.

На следующий день еду в то же село с другим старшим. Он, дыша на меня перегаром, цедит:

– Что не пустили его? Чтоб знал, как дурить нас, православных. Правильно?..

Вернулись из села, а во дворе управления стоит жена «телеграфного столба» и жалостливым голосом мне:

– Синок, цеж воно... на вашому жидивському кладбищи... багато пам'ятників побилы».

Вновь плацкарта в Ленинград. Только успел отвертеться от советской армии – израильская преподнесла сюрприз. С одной стороны приятно: за шесть дней размолотили кучу арабских армий. А с другой – теперь опять, наверное, фиг поступишь в институт.

Поступил всё же! Правда, если б не лучезлая красавица, Марина, то сейчас было бы неизвестно: устная физика – 5, устная математика – 5, а в письменной математике – решил все задания правильно, но в последнем, когда отпущенное время уже закончилось, я впопыхах написал неправильный ответ.

Однако теперь поступил наверняка: простили ошибку!

До сих пор я думал, что еврейки не бывает красавицами: слишком умные... Ан нет! В ней – и то, и другое.

И бывают, видимо, также еврейки с тем, но без другого... Или без того и без другого...

* * *

Волны задницей приборя
Давят зыбкость берегов.
Солнце раскалённо воет,
Тучку светом проколов.

И застывшим коромыслом
Жрёт сверкающую синь
Ослепительная птица...
Жизнь – борьба, куда ни кинь.

Опять общежитие. Опять четверо. «Старик» – двадцативосьмилетний студент, любящий выпить и «вслепую» легко выигрывающий у меня в шахматы, хотя я считал, что играю неплохо. Коля – не по годам задумчив. Основное положение – горизонтальное. Особенно, перед экзаменами, которые, по его мнению, нужно переждать, как пережидают осень или зиму. Толик – умён, высок, замкнут, с затаённым желанием «пробиться». Может на спор съесть за один присест девять эклеров. Ия – неруссконосый еврей, у которого, как выяснилось из походов на «подкормку» к родителям Марины, от смущения пропадают все мысли, и начинает жутко

бурчать в животе (до такой степени, что однажды дядя Миля, отец Марины, подмигнув Мариной маме, тёте Зине, повёл меня прямо из-за стола в туалет).

Ночью приходили две проститутки. Одна подошла к Старику, а другая ко мне, стащила с меня одеяло и спросила, как меня зовут. У меня страшно забурчало в животе...

Потом Старик выяснил, что они ошиблись дверью: их пригласил Славик, красавец, сексуальная гордость института, владевший папой – секретарём обкома в Белоруссии.

Старик пошёл их проводить и заодно, может, выпить. Утром он рассказывал, что «девочки» подрались из-за того, кто будет спать со Славиком, а кто с ним, Стариком. В результате обе спали со Славиком и остались довольны.

Подружился с Димкой из нашей группы. У него мускулатура, как у Тарзана. Качается штангой. Полощет нос солью. Говорит, что в детстве был очень хилым. Иногда подрабатывает тем, что достаёт на спор задницей потолок в узком коридоре общежития.

Сошлись на том, что оба любим пофилософствовать.

Родителям

Всё в порядке, мои дорогие.
Дождь всё также стучит мне в окно,
И его косолапые ливни
Нашептали мне это письмо.

Разве мало на свете печалей?
Разве мало их было у вас?
Что ещё бы вы мне рассказали?
Что ещё бы спросить мне у вас?

О себе и писать-то противно.
Я всё так же здоров и умён.
Поглощаю в обед витамины,
Зубы чищу всегда перед сном.

А у вас как? Всё так же тоскливо?
Тяжело и вставать, и уснуть?
И купаться опять без отлива?
И смотреть кинескопную муть?

«Старичочки» мои золотые,
Я-то думал, что всем помогу.
Я ведь думал, что всех осчастливлю.
А выходит – я лгу, просто лгу.

Ну да ладно, всего не распишешь.
До свиданья, знакомым «привіт».
Помогай им, сестрёнушка. Слышишь?
Всех целую. Ваш сын, Леонид.

Автопортрет
Глаза, как у коровы...
Седые кудрева...
Так организм здоровый...
Вот разве голова?..

В голове муравейник: раньше науки разделялись. Понятно было, где математика, где физика, где химия.

Углубляясь-расширяясь в своих познаниях, я не мог понять умнею я или глупею.

Химия, внедряясь в электронные оболочки атомов, превращалась в физику; физика, заполучив теорию относительности, вместе с пространством принимала облик геометрии-математики, которая симметрией, экспериментами теории вероятностей, выводом законов сохранения, опять становилась физикой, уже неотличимой (со своими квантами, элементарными частицами и причастностью к космологии) от философии.

Непонятно было, где кончается физика и химия и начинается биология. Где кончается биология и начинается история.

* * *

Кто пуст, тому в толпе привольно:
С толпы по слову – мозги полны.

* * *

В познании горе? Счастье в неведеньи?
Угрюмым кажется нам мир,
когда простейшее явление
Доводит нас до утомленья.

* * *

Друзья, скажу вам кратко я:
«Кто травит речи сладкие
И рвёт слонов в словесной муке,
На деле убивает муху».

* * *

Великий Гейне, хворост строф
Подкинь мне. (Полных тайной грусти).
Я из него нажгу костров,

И ангел в рай меня пропустит.

* * *

Бойтесь, бойтесь скуки:
Тихонькая жуть
Соблазняет, сука,
Заживоуснуть.

Старик «вылетел» со второго курса и скрылся в извилинах Дальнего Востока. Коля дотянул до четвёртого. Толик и я пока задержались.

Надя сказала, что если бы я не был «такой хороший парень», то не дала бы себя целовать, и уж тем более в обнажённые груди.

Когда же разговаривая шли по лестнице в общежитии, я сказал (по поводу покупки шпартгалок), что жалко выбрасывать деньги на такую ерунду. Она в ответ засмеялась:

– Ну ты прямо как жид. Терпеть-ненавижу.

Я остановился и спросил:

– Что?

Надя встрепенулась и покраснела:

– Ой, извини. Я забыла. У моей сестры муж – полуеврей, и ничего – хороший человек.

Выявил ещё два своих недостатка: если не выучу по нотам, то часто неправильно пою мелодию, а когда кушаю – из носа течёт (короткое замыкание что ли в голове между слюнявым и сопливым нервами?). Оба Надя мне подметила: «Ой, ты же фальшивишь». И в тот же день: «Ты всегда шмыгаешь носом, когда кушаешь».

Сегодня Джон приходил. Он учится тоже в Ленинграде. Потом Надя мне сказала, что Джон «шикарный парень».

А про Вову она заметила, что «он ей очень, ну просто очень, нравится». Интересно, к какой категории он относится: сексапильной, хорошей или шикарной.

Оказалось, что Вова – «симпатичный парень». И так, я теперь знаю такие градации мужских достоинств: сексапильный мужик, хороший парень, шикарный парень, симпатичный парень и хороший человекоеврей.

* * *

Обожди, я тебе отомщу.
Научусь только вот не любить.
Научусь только вот не жить
И мученья в пустяк превращу.

Я пойду пожалуйю морю.
Причешу его серую гриву.
Нагрублю животу его с горя.

Нахлестаюсь приборя-пива.

А потом забалдевший синий,
Под ракушечий хруст кудрявый,
Буду хлопать по спинам дельфинов,
Буду в солнце глядеть, шалаву.

* * *

Когда осенний небосвод
Устало чертят листьев длани,
Душа взволнованно бредёт
По улочкам воспоминаний.

За поворотом дом мой, кров.
В нём грусти, и веселья даты.
На клумбе с надписью «Любовь»
Прочту всех глупостей цитаты.

Брожу по лужам простоты,
По кирпичам непониманий.
Вот бочка: в ней мои мечты.
Открыл – и поминай как звали.

Когда очнусь, – облезлый клён
Кивает в такт дождю и веку.
Как будто понял странный «сон»
И всё прощает человеку.

* * *

Не всё ли равно вам? Из праха ведь вы.
Сегодня вы живы, а завтра – увы.
Сегодня вас греют любовью и лаской,
А завтра убьют равнодушия маской.

* * *

Сбывается пророчество:
Стучат, стучат колёса,
Я еду в одиночество,
И жизнь мою заносит

Останками несбывшихся надежд
и упований,
Обломками разбившихся каравелл
мечтаний.

Перешёл в другую комнату. Теперь нас три с половиной еврея: я, Люсик, Илья и колоритный Саша, то ли узбекский еврей, то ли еврейский узбек из Бухары, который если чему-нибудь удивляется, то говорит гортанно:

– Э!.. – и надолго замолкает.

Люсик и Илья из одного местечка. Люсик рассказывает, что в детстве не говорил на русском – только на идиш и на украинском. Он не любит евреефобов, но и сам не евреефил, посему часто предупреждает меня:

– Евреи – плохой народ.

Илья любит искусство и умеет уснуть почти мгновенно после принятия горизонтального положения, не договорив начатой фразы. Несмотря на всё, обладает хорошей памятью.

Уже привык, что границы между науками расплывчаты и условны. И уже спокойно отношусь к тому, что для оценки всех моих высказываний достаточно нуля или единицы Булевой алгебры. Что куб памяти электронной вычислительной машины совсем не похож на выкорчеванный мозг.

И даже к тому, что мы расстались... Видимо, «хороший парень» и «хороший» человекоеврей не чета просто «симпатичному парню».

* * *

В твоих глазах я прочитал разлуку.
«Прощай! – но говорю в закрывшуюся
дверь. —
Благодарю тебя! И вот такая штука:
Был я несчастлив – счастлива теперь».

Итоговые оценки получились вполне приличные. Только коммунизм у меня получился не совсем научный. И, видимо, как следствие, политэкономия. Это логично. Но как связаны с коммунизмом теория механизмов и теоретическая электротехника?.. Пока не знаю... Теперь дипломная работа.

Этот руководитель моей дипломной работы с блудливой фамилией или ничего не знает, или не хочет знать: даже литературу не сказал, где достать. Почти ничего не могу найти по этой теме. Изобретаю сам.

Сейчас, когда я уже получил тройку по дипломной работе и увидел ухмылку моего руководителя, до меня дошло: мои итоговые оценки были настолько неплохие, что, если бы я получил пятёрку по дипломной работе, то меня, еврея, не ленинградца, пришлось бы оставить (при распределении на работу) в Ленинграде: спрос был велик.

Унизительно. Но главное, опять стыдно перед родителями, перед дядей Милей, перед тётей Зиной, Мариной, Витей и, вообще, перед всеми: умный-умный – и обкакался... Скажу, что четвёрка... А может – не умный?..

На комиссию по распределению пошёл в старой, рваной футболке. В знак протеста. Та, с которой я расстался, увидев меня, только и произнесла:
– Ты чего?!.. Комиссия тоже удивилась, но «сделала вид». В итоге получился Ярославль. Люсику же присудили Тамбов, а Илье – Владимир.

Военную практику на кораблях отменили. Осталась просто практика. Мою спиртом накопители на магнитных лентах и ничего не понимаю в мигающих лампочках вычислительного центра завода. Но зато есмь провожаемый уважительными взглядами работников, когда везу бутылку со спиртом со склада.

Чтобы не отупеть, начал читать книгу об алгоритмах и рекурсивных функциях. Так я кажусь себе умнее: если уж ни фи́га не понимать, то хотя бы на более высоком уровне.

Практика закончилась. Я вновь в Ленинграде. Получаю дипломные «корочки».

Выпускная вечеринка. От Кати исходил такой аромат, смешанный с грустью расставания, что я поцеловал её в губы. Она ответила... Кое-кто смотрел на нас завистливым взглядом.

* * *

Еврей ли тебе половина?
Катя-Катюша, прости!
Не отыскать славянина
На захмелевшей Руси?

Что ты нашла в этих грустных
Карих семитских глазах?
Римскую месть захоластью
И унижения страх?

Уж не снести мне вторично
Эту любовь-нелюбовь.
Искарियोтова притча
Завтра помянется вновь?..

Снова появятся толпы,
Грустно бредущих людей,
Газовой камеры сопла,
Крики – и плачи детей?..

Вечное это скитание
Не для того ли дано,
Чтоб не забыли страдания?..
Впрочем... То было давно.

Странно. Евреефобии «достаточное количество», жлобства – тоже, рожи краснопьяные «цветут» в метро, и на улицах сыро, холодно, иногда грязно. Но расставаться с Ленинградом

тяжело. Ощущение, что был долго знаком с красивой женщиной, сквозь грязные лохмотья которой просвечивал стройный силуэт...

Теперь по этапу. В Ярославль.

Перед обитыми оцинкованным железом дверями отдела кадров круто развернулся и пошёл сел на пыльной обочине напротив завода. Чего я испугался, ведь был уже здесь на практике?.. Просто понимал, что студенческие годы закончились, и не мог в это поверить...

Потом всё же зашёл...

...Прощай, Свобода!..

Работаю инженером, то есть опять же: мою спиртом накопители. Удивительным образом соседи по комнате в заводском общежитии напоминают Старика и Колю: один – умница-алкоголик, другой – не в меру задумчив. Может, просто вероятность велика?..

Переписываемся стихами с Мариной. Она ещё и неплохо сочиняет.

Приехала сестра и весьма полная, глазастая молодая еврейка с лицом «луны на небосклоне». Мне стало грустно: жалко их – вдруг замуж не выйдут?

Договорились с этой глазастой переписываться.

* * *

Два чувства знаю я: иронию и жалость.
Союз их странный, оказалось,
Родит в мозгу нелепейшие слухи,
Что близок, криво шкандыбаясь,
Незрим, но верен миг разлуки.

Драма в двух действиях
Действие первое.

Он:

Грей плыл к Ассоль,
Как вдруг Нептун надул щеку,
Икнул, ругнулся,
Сел, поудобней развернулся...
И понеслась...
Так лист осенний кружит вальс,
И даже Архимед не скажет,
Где этот лист на землю ляжет.

Действие второе.

Она:

Ассоль ждала, лишилась снов
И думала, гоня женихов, кляня стихию:
«Не все дождутся Алых Парусов,
Но синие – ведь тоже неплохие?».

И прекратилась одна переписка.
И началась другая.
И договорились встретиться вновь, но в Ленинграде.
И Димка спросил:
– Ты хорошо подумал?
И я ответил:
– Да.
И была помолвка.
И учила меня танцевать вальс Лена с глазами цвета дыма.
И была опять война в Израиле.
И была свадьба.
И поехали жить в Ярославль.
И жили там.
И уехали оттуда.
И прошёл год.

Годовщина

Давай-ка прикинем, давай-ка припомним,
Как прожили жизнь мы семьёю своей.
Любили. Любили?.. Кутили?.. Кутили.
Квартиры меняли, как цыган коней.

Прописку и мясо искали подолгу.
В театры ходили и писем ждали.
Шутили?.. Шутили. Грустили?..
Забыли. Выходит, что жили мы, как короли.

Ну что ж, коли так, то пусть будет не хуже
Нам в новых, идущих навстречу годах!
Открыли?.. Открыли. Налили?.. Налили.
Так выпьем, чтоб было всё именно так.

И прошло ещё время.
И жили в Аккермане на съёмных квартирах.
И работал я инженером.
И никак не мог понять инженер чего я.
И искал я другую работу.
И устроился на строящийся завод.
И был там тоже инженером.

И родился сын.
И назвали его Михаил.

И ещё называли его: Мишутка, Мишушка, Мишулька, Мишулик, Махрютка, Мыша-стик, Маняшка, *Масик*, Масюха, Мышонок, Гайгайгаечка, Мишунтик-Кузюнтик, Мишулька-Кузюлька, Букалка, Масёныш, Махрюшка, Махрюнтик, Мальш, Мальшик, Масёнок, Зайчоник, Зайчуха, Лапушка, Цыплёнок, Геракл; Граф де ля Пись де ля Пук де ля Как Герцог Нарыгай-Навоняйский; Писюшка, Кузёныш, Волосатик, Мальчишечка, Солнышко, Черноглазик, Глазастик, Чмокалка, Глупыш, Роднулька, Лягушонок, Человечек, Моё родное Существо, Мой родной Мальчик, Маленький мой, Сыночка...

И стал повелевать он сердцем моим, и умудрил его.

В 9 часов 40 минут 7 июля 1976 года. Вот когда родился этот человечек. Вес – 3100 грамм. Рост – 50 сантиметров.

Утром я пришёл в роддом и услышал:

– Ваша жена – уже нормально, а ребёнок выживет или нет – не знаем.

Мир стал чёрным. Нет! Не может быть! Как же это?! Я ведь шёл сюда с надеждой на счастливую весть!

Вчера вечером я отвёл жену в роддом, так как уже прошли все сроки. У неё были сильные отёки и другие проблемы, но я верил, что всё обойдётся.

Не обошлось. Видимо, мало было войны-блокады, папиного протеза, маминой неподвижности в кресле, бесплодных моих попыток им помочь с помощью заменяющих тело механизмов, еврейского унижения и унижения от осознания всё возрастающего комплекса своих недостатков. Нужно было что-то более убедительное.

Диалог

– Суета... суета одолела тебя.

Вот и всё: этот Круг завершается.

– Я хотел бы покой.

– Новый Круг, дорогой.

Это всё, что тебе причитается.

– Но когда же и где, отчего же и чем

Завершится моё наказание? —

Лишь молчанье в ответ...

Верно, это был бред...

Не стена – бесконечность молчания...

Приходили подробности со знакомыми и неизвестными сжимающими сердце словами: белая асфиксия, вакуум, тугое обвитие пуповины (еле сняли), нарушение мозгового кровообращения третьей степени, пневмония, тетрапарез, 20–40 (60) минут не дышал, нет (слабый) сосательного рефлекса, судороги, внутричерепное кровоизлияние.

Дома, оставаясь один, я метался от глубокого пессимизма к слабому оптимизму и от обоих – к неизвестности. Будет ли Малыш жить? Если да, то будет ли здоров? Если нет, то будет ли ходить, не будет ли полным инвалидом, и если не будет ходить или будет полным инвалидом, то будет ли всё это понимать?..

И лишь только одно я уже знал наверняка: эту кроху я люблю-жалею и, пока я жив, никогда, ни за что не смогу его покинуть.

Мишутке становилось то лучше, то хуже (хуже – по странному совпадению – всегда после приезда в роддом тёщи).

Через 14 дней, после очередного ухудшения, Мишульку с женой отправили в Одессу, в областную больницу (вот деление патологии новорождённых).

Круги продолжались: это была та самая больница, где лежала мама, где её забыли под рентгеновским аппаратом (врач сказал: «Можете подавать на нас в суд»), откуда она приехала полумёртвой лежачей и уже больше никогда не смогла ходить.

Я ехал вместе с ними и только теперь впервые увидел Мишушку.

Маленькое существо спало, чмокало губками и дышало кислородом из подушки. Чёрные бровки, верхняя губка выступает над нижней – вот и всё, что я запомнил с того времени.

И ещё жалость. Безмерную жалость-любовь, которая звенит во мне и до сегодняшнего часа, когда я пишу эти строки.

Потянулись горестно-длинные дни, в которые, приехав в больницу или позвонив по телефону, яс пульсирующим сердцем ждал, что скажет мне жена.

Тёща с какой-то ещё родственницей повадилась тоже ездить в Одессу.

Мишулику опять становилось то хуже (в том числе, из-за вспышек пневмонии), то лучше.

Иногда я слышал, как он плачет: басом, словно медвежонок.

В один из дней врач сказал, что нужна моя кровь, чтобы перелить Мишуньке. Я опять увидел моего сына: чёрную головку, бледное личико. Мой Человечек плакал: ему было больно, так как переливали в вену его височка мою кровь.

Сердце вновь разрывалось от любви-жалости. Слишком часто и слишком рано моему мальчику было так ужасно больно.

Бывая в этой больнице, я узнавал от жены о страданиях и смертях других детей, так же или по-другому больных.

Душа наполнялась горечью. Я не знал, что так много и так часто страдают дети.

После переливания крови Мишунтику стало лучше. Его посмотрел невропатолог и поставил диагноз: паралич всех четырёх конечностей. Говоря мне это, жена заплакала, а у меня в очередной раз заледенило душу.

Я не знаю – есть ли Рай, но Ад, безусловно, есть. Это та ирреальная реальность, в которой я «имею счастье иметь несчастье» жить. Правда, некоторые и даже очень-очень неглупые, вплоть до гениальности, люди считают, что жизнь – это прекрасный подарок.

Но ведь иногда то, что у одних вызывает боль, другим – приносит наслаждение.

Тост

(По мотивам произведений Омара Хайяма, Льва Толстого и кинофильма «Кавказская пленница»)

Будь весел!

Этот мерзкий мир —
лишь сна короткий бег.

Настанет смерти день —
проснёшься, человек.

Как хорошо, что не рождаются навечно!

Какое счастье, что живём короткий век!

Так выпьем же за то, чтобы, не дай Бог, не
нашли средство для продления жизни!

* * *

В дебрях усталости вязнет наш ангел
раскаянья.
О безысходность усилий бьётся со стоном
душа.
Где же вы? Где же Ты? Суд и Мессия
страдания.
Явишься ль, Боже, скалы сомненья

круша?

Но вращаешь рулетку
Ты
Непоспешно.
И, видать, не дождёмся
Их,
Что потешно.

* * *

Боже! Сколько сказано слов!
Сколько спето!
Но кому, для чего, почему?..
Ты Молчун: не даёшь никакого ответа...
И не дашь?.. Никогда?.. Ни за что?..
Никому?..

* * *

Всё сказано уже. Добавить невозможно.
Когда покажется, – родил ты
новость-мысль,
Со стула встань, оденься осторожно
И к психиатру обратись.

Наконец настал день (24.08.1976 года), когда Малышика выписали из больницы, и мы приехали домой.

Махрюнчик очень плохо спал, нервничал: сопел носом и делал плавающие движения руками. Мы по ночам и днём качали его на руках. Давали ему бром, глютаминовую кислоту. Я видел, что Черноглазик очень болен, но верил, что теперь, когда он дома, и мы будем лечить его, ему будет становиться лучше и лучше. Он ел очень мало: ему было тяжело глотать (паралич горла), часто срыгивал, рвал, и, из-за всего этого, плохо набирал вес.

Когда мы начали его подкармливать (с трёх месяцев) молочными смесями, Маняшка немного поправился. Личико у него стало кругленькое, даже щёчки появились, хотя тельце худенькое оставалось (гипотрофия второй степени).

Фигурка же у Мишутки красивая, чисто мужская: таз узкий, плечи широкие, всё пропорциональное. Спинка и ручки волосатенькие (таким и родился).

Вот и теперь, когда я, наконец, нашёл время описать всё, что произошло, мы продолжаем лечить Мишульку.

Я завёл дневник его лечения.

То ли начался новый круг мучений, то ли старый продолжается: тестя засудили на десять лет за приписки.

Ко мне он относился хорошо, и я его уважал, но был мне непонятен и не вписывался в мои представления о евреях (несмотря на все предупреждения Люсика): любил выпить, покутить, «пошершеляфамить».

Написал письмо в Москву. Брежневу. С описанием нашего положения и просьбой помиловать тестя.

Вызвали в военкомат. Думал – заберут на сборы. Но завели в какую-то комнату с интеллигентно слащавым мужиком, который мягко предложил мне: или «стукачество» для КГБ, или то же самое. Короче, совершенно свободный выбор.

Что интересует КГБ? Да пустяки: всё подозрительное ну и, в том числе, если, может, кто в Израиль засобирается. Потом отпустил недолго подумать.

Вот думаю. И думаю я так: «Если скажу правду, то меня расстреляют, а если неправду – то повесят. Буду себе молчать. Может, забудут?».

Не забыли. Что-то я не припомню, чтобы Штирлиц что-либо забывал. Позвонили. Голос ещё интеллигентней стал:

– Ну что?

Я говорю:

– Да вот, думаю.

А голос:

– Ну-ну. Приходи завтра в военкомат, вместе подумаем.

Опять думаю. И думаю я так: «Откажусь?.. А как же мой маленький больной мальчик без меня?! Подозрительного у нас, – как точек в континууме теории множеств: вон даже воробы подозрительно свободно чирикают (недаром их приличные люди из моей прошлой абитуриентской жизни «жидами» называли)... А про Израиль... Могу я хоть что-нибудь забыть, в конце концов?! Не Штирлиц же... Вдруг сумею повесить клипсы на КГБушки?.. Из «лапши»... При случае, может, и за тестя попрошу».

Пожар был на заводе. Говорят, что какой-то пьяный идиот забыл сигарету потушить... Жутко подозрительно: ведь в нашей стране пьянство и проституция уже давно искоренены (остались только умеренно трезвые и бл...ди)... Яи «настучал» про это... Всё было, словно у порядочных: на бумажке с подписью. «Начальники» молча взяли бумаженцию и, видимо, потом долго молча же материли меня. До такой степени, что я почувствовал себя матёрым внештатным агентом КГБ и стал думать, чего бы ещё нафантазировать...

...Видимо, отвязались. Уж очень долго не звонят. Может, поняли: судя по фильмам, там неглупые пацаны? А может быть, случайно, порядочный кто попался?.. Или ветры каких-то перемен задули?.. Или еще припомнят?.. Если до Троцкого добрались... На меня не то что ледоруб – маникюрную пилку пожалеют... Старой калошей прибьют...

...Тестя так и не помиловали.

Я сегодня ударил ладонью по щёчке моего Малыша! Он не открывал рот для еды. Сжал губы, и всё вылилось на него и на пол.

Мишулька горестно заплакал, и я ужаснулся тому, что сделал. Такое – Б-г-Мироздание никогда не простит!.. И я себе не прощу!.. Что это?.. Что это?! Само действие – это древний инстинкт ярости. Но что за монстр заставляет меня терять контроль над яростью?!

Махрюнтик начал гулить! Я игрался с ним. Вдруг он засмеялся в голос и сказал сначала: «Бу-у!». А потом: «Гу-у!». Я был вне себя от радости. Вновь затрепетала маленькая свечечка надежды.

Женя вышла замуж и уехала в Ленинград. Папе с мамой теперь одиноко. И тяжелей.

Получили квартиру от завода. Девятый этаж. Но к дарёному «бал-коню» можно и на *иногда* работающем лифте подняться.

Теперь, когда родилась у Жени с Мишей дочка Зоя, родители повеселели.

28 ноября 1979 года. 10 часов 20 минут. Сегодня родилась дочуля Анна (Анюля, Анюха). Слава Богу! Здоровая! Вес 3100 грамм.

И стала тоже повелевать она сердцем моим, и умудрила его.

Возможно, метод Мироздания-Б-га – это метод проб и ошибок... Мы так же виноваты в наших поступках, как заяц из старого анекдота «Ия, и не я» (или «Кто разбил окно в туалете?»). Заяц, которым волк разбил окно лесного туалета.

Сидел кормил Мишунтика. Вдруг раздалось страшное шебуршание и сопение. Пока я соображал, что бы это могло быть, приползла на четвереньках Анюха и радостно стала смотреть на нас. Мишутка тоже смотрел на неё своими удивлёнными маслинами. Было хорошо.

На улице Мишулька нервничал. Все мышцы его задеревенели. Люди смотрели на нас. Мне стало стыдно, и я насильно согнул ему ножку...

Опять этот жуткий монстр! Кажется, я начинаю догадываться, кто он...

Но тогда Мишутка вдруг успокоился.

Перешёл на другой завод: родич предыдущего.

Тесть умер в тюрьме. Он был сердечник. Жена поехала за телом. Я остался с детьми.

Мама плохо себя чувствует. Вода в лёгких. Вчера, когда уходил домой, она, изнемогая в кресле, исподлобья, с помутившимся от боли взглядом, выдохнула мне:

– Убейте меня!..

...Мама умерла... Мама умерла!..

Плачу сам и опять вижу, как плачет папа. Второй раз... Второй ли?.. Последний ли?..

* * *

Но страдания не напрасны:
Ранят мерзость равнодушия
Ядра горечи прекрасной.

Мама, мама, мы не плачем...
Это капельки дождя...
Что тебе не больно – знаем...
Только пусто без тебя...

Ты для нас и Ум, и Честь,
И страдания не напрасны,
Если «сытым» стало ясно,
Что «голодный» тоже есть.

Покойник
Работа тяжкая души окончена.
Лежит уже не человек – предмет.
Душа в отгулах, и онибессрочные (?)...
Но что это: вопрос или ответ?..

* * *

«Жизнь прожить – не поле перейти»,
А по мне – пройти через дурдом.
«...Грезит конопляник... над... прудом» —
Обо всех, что Смерть взяласьспасти.

Случайность или что-то большее? Поменяли две двухкомнатные квартиры на первом и девятом этажах на однокомнатную на третьем этаже (для папы) и трёхкомнатную на втором (для нас). Да ещё в одном доме. Если случайность, то очень маловероятная.

Загадка (?йачулС)
Я видел Его: Он прекрасен.
Жесток – и сама доброта.
Коварен, правдив и ужасен,
Могуществен... но не всегда,

Ведь слаб, словно малый котёнок.
Так любит, что можетубить.
Он вечен, везде Он. Отец и Ребёнок,
И Дух... но и может не быть.

Мишуткино состояние не улучшается. Я теряю надежду.
Душа болит и подавлена.

Конечно, виноват я. Увидев большой автобус, папа слишком резко повернул вправо руль. На дерево. Ая, взявшийся подстраховывать ещё неуверенно ездившего папу, вместо того, чтобы потянуть ручник, начал выворачивать руль влево, из папиных, судорожно вцепившихся в него, рук. Не успел вывернуть. Прямо в дерево и въехали...

И монстр тут как тут: вместо того, чтобы ругать себя, я начал ругать папу. На папу жалко было смотреть...

О монстр мой – враг мой!

Я, папа и сестра сидели рядом с Мишуткой. Женя в разговоре сказала:

– Ты думаешь, что тебе хуже всех.

Я вспылел, и мы поругались. Краем глаза я видел, как папа изменился в лице. Он не ожидал этого. Мы с сестрой никогда до сих пор не ругались. Ему было больно.

...Прошло время, и только теперь я в состоянии рассказать это...

Мишушка не дышал... Я дотронулся до него, и он задышал...

Срочно поехал за кислородной подушкой...

Когда я вернулся... моего мальчика уже не было... Его тельце стало совершенно холодным...

1 апреля 1982 года Мишутка умер...

Не понарошку – всерьёз...

На часах было 16:00.

Опять мы сидели вдвоём и плакали: я и папа...

Когда я нёс Малыша в гробик, окружающее было почти неощутимым, и только руки мои пронзительно чувствовали не живую теплоту моего сыночка, а холод маленькой легкой досочки...

И разбил он сердце моё, и умудрил его.

* * *

Но страдания не напрасны:
Ранят мерзость равнодушья
Ядра горечи прекрасной.

Что же это?! Что я не сумел?
Что же просмотрел, неугадал?
Почему тогда я опоздал
Сыну жизнь вернуть?.. Иль не посмел?!

«Сдунута ольховая» Мишушка.
Рухнул мир души его и мой.
Где тебя искать теперь сынушка?
Что мне делать, мальчик мой родной?!

Мама, береги его в том крае,
Где я должен, должен вас найти!
Я теперь быстрее умираю:
Каждый миг – скачок к вам на пути.

«Так устроен свет...» – поётся в песне.
Сложный, странный и жестокий мир.
Кто его придумал, неизвестно,
Столь легко уничтожаемый...

Светит в ночь души луна надежды:
Кажется, что я сейчас проснусь —
Бабушка, целуя внука нежно,
Скажет: «Бегай. Я сейчас вернусь»...

Сыну
Посмотри:
На голубой дороге,
В небе, серебрятся облака...
Маленькая мёртвая рука...
Ты меня не слышишь, моя кроха...

Сынуле
Мой малыш – чёрных глаз удивление,
Ты своею короткой судьбой
Заработал (не мне ль?) искупление
И себе бесконечный покой.

Философий скрестились сомнения, —
Разрубая их узел тугой,
Я надеюсь – твоё вознесение
Возвращением будет домой.

* * *

Столик тот, который справа,
Тоже танцы заказал. Эх, друзья!
Встряхнём задами!
Сытость брюх обрушим в зал...

Там, вчера, как жилка тонкий,
Умер мальчик лет шести...
– Мне паштетик из печёнки
И салатик «Ассорти».

* * *

Я смеюсь, а слёзы льются.
Я пою – душа скорбит.
Суждено вам не проснуться —
Мне же – маяться и жить.

* * *

Я тоже ведь должник —
Мои долги похлеще:
Я сыну должен... жизнь...
И маме... должен нежность...

Диалог с фотографией
– Не смотри на меня укоризненно,
Мой малыш...
Я ещё, к сожалению, бодрствую...
Ты ведь спишь...
Я ещё этот мир вышагиваю...
В никуда.
И конечно, нужна мне пища —
И вода.
Но когда от телес грешащих
отстранится душа, тогда...
Непременно с тобой она встретится...
Слышишь?..
– Да...

И вот теперь... Теперь я прихожу домой... Вижу пустую постель, на которой когда-то лежал мой сын... Его вещи...

Нет... Не могу поверить... Не могу...

Почему она поехала с этими грузинами на пляж? Ведь не так давно умер Мишутка...
Тоже любит покутить?..

* * *

Непостижимость привыканья...
Сердец устойчивый туман:
Чем чаще видимся,
Тем такт желанней,
И меньше верим мы,
И больше ран.

Он казался мне больным, но вечным: старик-фараон «всея СССР». Но это было не так...

В городе Ирпень, недалеко от Киева, заказал памятник Мишутке... Гранитный... Ставить буду сам.

* * *

Десять лет...
Нелёгкая дорога злой судьбы
досталась нам в удел.
Что осталось от весёлой песни, той,
которую когда-то пел?

Растерять успели мы не мало...
Сына своего не сберегли...
Цепи срезаны, что к жизни привязали,
«Сдунутой серёжкой ольхи».

В океане горя утопая,
Дочкин остров удалось найти...
Что ж, давай, его не покидая,
Жить-терпеть к Мишульке на пути...

* * *

Знать, притворялся я, что жизнь важна,
«Дрезжа» струной, в созвучья лез...
Смерть одиночества мне не нужна,
Но, видно, я ей – позарез.

Инстинкт и случай властелины судеб —
Мы вечно притворяться будем.

Папа и тёща съехались. В нашем же доме. В двухкомнатную квартиру. Было неприятно, но я ничего не стал рассказывать папе...

Чтобы не подумал, что я желаю его одиночества.

У Жени с Мишей родился ещё один коренной ленинградец – Игорёха.

Я всё устанавливаю Мишунькин памятник. Ещё немного.

Неожиданно приехал Люсик. Помог мне установить основание памятника.

Вчера поднял лебёдкой стелу памятника, залез под неё и почистил её дно. Не успел вылезть, – стела грохнулась на землю. От запоздалого ужаса в голове промелькнуло: «Около тонны... Мгновенно кончились бы все мучения... Как Анюха без меня бы?.. Совсем ей не занимаюсь... Папа опять бы плакал...»

Оказалось – один «зуб» в лебёдке был плохой.

Не первой свежести фараоны меняются один за другим.
Страна не успевает строить пирамиды.
Партия и народ в растерянности: непонятно, кому поклоняться.

Папа жаловался, что тёща дико храпит, и он не может спать. Я сказал, что знаю это. Он удивился:

– Почему же не сказал мне? – и потом заговорил о том, что очень болит вторая нога (которая не на протезе).

...Опять понадобился доктор-время... Чтобы я смог сделать ещё одну страшную запись...

Папа покончил с собой...

В тот день он пропал... Моросил снег... Я носился по мартовской слякоти, разыскивая его... И едва нашёл... в подвале нашего дома... Содрогаюсь и крича что-то, я вытащил папу из петли и стал делать ему искусственное дыхание... Но он был уже холодный... Совсем холодный... Как тогда – Мишутка...

Отчего?! Отчего?! Отчего?! Когда закончится этот поток смертей?! Эти круги... эти мёртвые петли?!

...Установил памятник папе. Доработал мамин памятник.
Чтобы были похожи.

* * *

Могилы, могилы ... Спокойные лица
На нас с фотографий глядят.
Теперь уже можно уgomониться:
Вовек не вернуться назад.

Да, мы иногда на погост забегаем,
На прах перегаром дыша
Мелькающих дней. Постоим, повздыхаем...
И – в бег, резво... к смерти спеша.

По мотивам рубайат Омара Хайяма
По берегу судьбы, избит,
Один иду во тьму.
И Тайна душу леденит:
Куда? Зачем? К кому?

Устану – преклоню главу
Я на чужом плече...
И уж не сам в бреду плыву...
Куда? К кому? Зачем?

А Вечной Истины синдром

На всём, как тень и блик...
Куда идём? Куда плывём?
Зачем в нас мир проник?

* * *

Тот ругает меня – тот пугнёт...
Невдомёк им – оглох я давно
И в «прекрасную» страшную жизнь
отчуждёньем задраил окно.

Взрыв в Чернобыле... Мало кто в стране толком знает, серьёзно ли это или так: враги
«на пушку берут»...

Утонул «Адмирал Нахимов». На нём были Саша и Стеллочка, родственники жены. Они
погибли.

Саша, который вытачивал мне детали для установки памятника Мишутке... Стеллочка,
которую я знал ещё малышкой...

...В стране началась перестройка...

Гласность показывает своё второе нутро: в открытую печатаются евреефобские статьи и
книги. Тот же запах пронюхивается в радио и телевидении.

Предвыборная речь пьяного кандидата куда-то
Если б «богом» был бы я...
Вашу душу мать!..
Я бы резко этот мир
Начал изменять:

Увеличил бы на рубль пенсию...
И улучшил бы снабжение персиками.

Привычно-непонятный мир тает на глазах. Понимаю, что надо «рвать когти». Но как
оставить могилы мамы... Мишутки... папы?!

* * *

О суета сует,
Мельканье серых дней.
То блеск луны, то свет зари.
Любимых силуэт
Всё дальше, всё бледней.
Тебе, природа, их – не повторить.

Какое будущее ждёт здесь Аниолю?! Не начнётся ли развал, гражданская война?.. Погромы?..

Нет, придётся уезжать...

Мама!.. Мишулька!.. Папа!.. Вы слышите?! Нет выхода!.. Боже!.. Как же оставить их?!

Куда ехать?.. В США?.. В Израиль?.. Ещё куда-нибудь?..

Штаты представляются большой гангстерской «малиной» (воспитание даёт себя знать).

К тому же эта остановка в мафиозной «Римской империи»...

Израиль?.. Сионистичен или религиозен. Так нас закодировали. Но там ведь живут не Люсикины плохие евреи, а порядочные и храбрые израильтяне – люди Книги.

Написал письма в Израиль: в Сохнут и родственникам. С вопросом: «Можно ли будет в дальнейшем перевезти захоронения?».

Сохнут набрал воду в рот головы, а родственники зарыли её же в песок, успев перед этим истерически выкрикнуть, что если я такой, то сидел бы на месте, что Израиль из кожи вон лезет: и перевозит, и деньги даёт, и жильё, и работу, а он... захоронения. Кому они нужны, эти мёртвые? Могилы на хлеб не намажешь... Одни затраты...

Всё же решили – в Израиль. И ещё решили, что буду ездить (при каждой возможности) на могилы в Аккерман...

* * *

Евреи, шлемазловы дети
Шлемазлихи-мамы-Земли,
Влачат по несчастной планете
Упрямяство, куда бы нишли.

Живут, ненавидимы миром...
Умны ли?.. Пронырливы ли?..
Но неумности вирус
На Землю *они* занесли.

Агасфер
Где же, где же приземлиться?
Время мчится, время злится.

Нет душе моей покоя на Земле.
И прекрасный синий остров в чёрной мгле.

Сил осталось уж немного.
Бесконечная дорога.
Беспросветная тревога.

Еврейская (э)миграция
Не прощаюсь.
Не прощаюсь!
Не прощаюсь?..
Жёлтый парус
Мне сигналы подаёт...
Возвращаюсь.
Возвращаюсь!
Возвращаюсь?..
Но меня уже никто не ждёт.

Так мотаются по свету иудеи,
лишь слышат клич ужасный:
«Вон, евреи!».

И качаются по волнам йегудишки...

Может, скверные людишки?..

Прощания... Слёзы... Поехали... Москва... Прощания... Слёзы... Поехали... Чоп...
Будапешт казался холодно-враждебным, красивым и непонятным, как сфинкс...

Приехали... Израиль... Встречали песнями... Доброжелательны... Неужели все они
евреи?!

Ужас какой! То есть... Я хотел сказать: «Ужасно как интересно!».

В аэропорту какой-то совершенно секретный еврей попросил всё, как на духу, рассказать.
Ну я ему и поведал эту «мансу» с КГБ.

Ироническое подражание внеисторической песне
Был и я простачок, и в те годы не раз
Про ночной Тель-Авив слышал чудный
рассказ,
Как возил «йегудим» в Израиль тарантас...
Тарантас назывался тот «Боинг».

И душа рисовала картины себе:
Будто мчусь в Тель-Авив я на велосипе...
На востоке царит Иудейский хребет
И безумно прекрасен собою.

Припев:

Сладострастная отрава, золотой Ерусалим,
Синагоги притулились меж церквями.
Про тебя жужжат евреи над ухом моим:
«Йерусалим, Джерусалем, Душа Страны и
Град Святой – Йерушалаим».

Съёмная квартира... Утомительные, казённые слова: «мисрад клита»... «ульпан»...

Женя с Мишей решили покинуть Ленинград. Спрашивают, куда покидать.

А что ответить?.. Страной, вроде, горжусь. Труда и крови вложено много. Ну, работы нет... Так это «дело житейское»... Чёрная-то уж точно будет... Для тех, кто постарше и послабей... Без связей и денег... А те, которые посильней... Те могут и не напрягаться... Жильё вот есть... Что да, то нет... Потому что не своё... И стоимость его такая, что «не будем – о грустном»...

Жарко?.. Есть кондиционер... Правда, дорого и шумно... Арабы, теракты?.. Это уж, – почти точно, – временно... Всего несколько сотен лет... А может, даже и значительно раньше... В связи с землетрясениями... Какие ж теракты, когда никого нет?.. Евреи?.. Так возможно ж, не все плохие?.. И есть места красивые... Правда, могут отобрать...

В общем, страна замечательная, если бы не жара, землетрясения, арабы и евреи...

Сестра с семьёй решили всё же ехать в Израиль: Штаты слишком долго ждать, а Россия непредсказуема.

Ищу нормальную работу... «А лопатой по зубам не хочешь?»... Только чёрная... Иду в «нисрать клиту»... Дали курсы... Ещё поиски работы... На хорошую – то есть по специальности – уже старый... На замечательную, – по, откуда ни возьмись, протекции, – но такую, что из Израиля не выпустят, – боюсь: мне надо на могилы ездить... Пошёл на чёрную...

Тель-авивский завод дешёвых, но популярных, украшений... Я – помощник помощника гальванщика... Беседы о судьбах России и Палестины с арабами-палестинцами на корявом иврите...

С точки зрения Вселенной, прошло всего лишь мгновение, как Авраам ушёл оттуда, откуда Саддам уже насобачился стрелять по Земле Обетованной советскими «скадами»...

В противогазе душно...

Стройка... Я – электрик по долбёжке стен... Арабы-палестинцы... Беседы не ведутся: жарко, пыльно и тяжело...

Работаю электриком (почти не долблю стены) у частного... Еврей в вязаной кипе... Благодарен, местами набожен, но много не даёт...

Работаю и учусь на курсах техников персональных компьютеров.

Оказывается, техниками здесь называют тех, кто ремонтирует, а инженерами тех, кто разрабатывает. Иди знай: в СССР кличка и у тех, и у других могла быть одинаковой...

Учусь и самостоятельно. Под персональные компьютеры и программирование. Проклятые мои мозги вширь, по верхам, не берут – только вглубь – да ещё и путаются. Время уходит. Переучиваю русский и немецкий (про немецкий мама с папой наивно думали, что мне легче будет в школе, так как ближе к идишу) на, соответственно, иврит и английский... В школе действительно казалось, что было легче, вследствие того, видимо, что на идиш я знал около десятка слов, а главное, знал три его «источника, три составные части»: «киш мен тухес», «тухес блус» и «мах зих ништ нарес», потому и не «брал в голову» неудачи в изучении языка основателей научного коммунизма... Теперь же в моём органе мышления всё спуталось: то ли я немецкий на иврит переучиваю, то ли английский на русский перевожу?..

Появилась «своя», но принадлежащая банку, квартира в Лоде – «мегаполисе» наркоманов...

Путч в Москве... Сердце в пятках: вдруг не впустят на могилы...

Пронесло... Но партию жалко... «Оторвалась от коллектива»...

Борьба с банком-кредитором, чтобы выпустили – из страны так и не построенного демократического сионизма в страну зачаточной демократии – проведать могилы.

Первая поездка в Аккерман к могилам. Горько... Больно...

СССР «во мгле». Михаилу Сергеевичу обидно за державу. Мне тоже, но за три: за СССР, – что развалился, за Украину, – что отвалилась, за Израиль, – что маленький.

* * *

В кожаной куртке красиво, конечно, —
но страшно.
В кожаной куртке ужасно тепло, —
да, *ужасно*.

Кожу содрали с кого-то...
как больно!
А мы вот одели её —
и довольны.

Сколько болей в каждом шаге твоём,
человече?
Скольких живущи хмы к пользе своей
искалечим?

Стройка в Лоде... Я на ней временный рабочий... Опять арабы-палестинцы... Однако и интеллигенция русская есть... еврейского пошиба, правда... Ну там... врачи, учёные, инженеры всякие... В общем, «отребье»...

«Килополис» – Азур, а я в нём вольным дворником промышляю: на свободе, то есть на улицах, метлой и граблями махаю...

«Продвинулся»: в магазине компьютеров техником значусь... по ним же... по «писюшкам»... Это на американский манер кликуха, а если по-нашему, так просто РС будет...

Что-то много стало попадаться «под руку» плохих евреев. То там обманут. То сям подлянку сделают...

Вспоминается Люсик...

Понятно, что капитализм есть власть рынка с кодированием мозгов толпы на товароразвлекательную мораль. Практический же социализм есть рынок власти с кодированием тех же мозгов на безтоваро-властеобожательную мораль.

Досадно, однако, что ни Кобе, ни американцам так и не удалось построить социалистическо-демократический сионизм «в отдельно взятой стране». А всё, видимо, из-за разногласий среди евреев в интерпретации составленного в незапамятные времена одним «одарённым режиссёром» «Кодекса Строителя Сионизма». Одни там вычитали, что еврей еврейю Друг, Товарищ и Брат, а другие, – что евреи еврейям Врут, Товар и Блат.

* * *

(По мотивам произведений Владимира Маяковского и Владимира Высоцкого)

Рассвет – закат,
Рассвет – закат,
Рассвет – закат
И вот:
Мне жизнь наносит сгоряча
Смертельный апперкот.

Хоть я в гробу – ни круть, ни верть,
И глазом не моргнуть,
Но говорю всем:
– «Се ля» смерть,
Пора и отдохнуть.

Пусть думал Всевышний,
Мне тело круша,
Что жить хорошо
И жизнь хороша...
Но:
В нашей буче,
Боевой, вонючей,
Станешь сам «дуче».

Миша сразу раскусил, где он оказался, и «запал»... Я – тоже, но с большим «дилеом». Он с сестрой и детьми «потосовался» здесь некоторое время и мотанул назад туда, где «с платформы» говорили когда-то: «Это город Ленинград».

Потом, однако, стали говорить: «Это город Санкт-Петербург», – вследствие чего Миша, Женя, Зоя и Игорёха перестали понимать, куда они вернулись.

«Се ля ви». Я бы даже сказал резче: «Се ля жо»...

Ездил опять на могилы. Бедные мои, что же вы молчите...

Аккерман почернел... Наверное, от горя. Или от «незалежності»?..

* * *

Как там, родные? Стёртые жизни дорогами,
Под чудесами, над синевою небес,
Как выживёте, будучи богами?..
Богами?

Как вы живёте без нас?
Как живём мы без вас?

Вы не ответите. Знаю: в молчании —
истина.
Лучше – спою вам про наше житьё
да бытьё.
А мы живём, да не так, ох, не так,
как предписано:
Из десяти – ни одной...
Каждый лепит там что-то своё...

«Задвинулся»: опять электрик, но уже по ремонту в зданиях... Арабы-палестинцы,
инкрустированные евреями...

И вновь аккерманские могилы... И город того же цвета...

«Выдвинулся»: снова техник по «писи»-ам...

«Сдвинулся»: автомобильный электрик, в гараже для грузовиков и тракторов...

Уговорил моих съездить в Аккерман. Правда, через «Санкт-Ленинград»...

Питер набросил снежно-белую паранджу, чтобы скрыть раны перестройки, и был строен
собой. Повидался с сестрой, Мишей и детьми. Зоя и Игорёха повзрослели. Пофилософствовал
с Игорёхой над компьютерными играми, с Зоей – обо всём. Со всеми – о политике.

Потом был Аккерман и укор фотографий на памятниках...

Перебирал мамины тетради и записные книжки. У мамы есть неплохие стихи и заметки.
Особенно, о войне, о блокаде Ленинграда.

Решил скомпоновать на компьютере из них её книгу, отпечатать и переплести. В четырёх
экземплярах.

Анюха взялась помогать.

Квартира в Аккермане... И моя и не моя. Кладбище... Одинокий мой мальчик... И
мама... И папа...

Это – то, что есть
Волос крашен, нутро больное,
Уже взрослая дочь.
Над когда-то моей страной —
Ночь.

«Променял» автомобильного электрика на случайно подвернувшегося «писи»-ного тех-
ника...

Дочульке
Анюхе-Квакухе – семнадцать уже!

Что это случилось, поверить «каше»¹.
Ведь только недавно ходила под стол
И всех вопрошала: «Акусаес со?».

Анюле не до нас: «онауже в Париже»...

...Приехала – теперь Париж в ней...

Какого хрена я ляпнул там и тогда: в аэропорту, когда «съалинял» из СССР в «эрец» на п. м. жо. Воистину: язык мой – враг мой. Теперь ШАБАК привязался. Я им правду – они не верят. Как будто я им пророк какой-то!.. Ну, говорят, у тебя и нервы, бляха-муха. Давай, гони явки, пароли. Да уж, нервы у меня и впрямь точно, как у Штирлица: отростки нервных клеток. Хотел сказать им, что явка у меня в клозете моём, когда 23 февраля втихаря отмечаю, а пароль плохо пахнет, но подумал: «Вдруг не поймут юмора. Они ведь из Союза давно, а может, даже и никогда. Весь клозет в машкантаозной квартире переломают, пока улики будут искать»...

...Отвязались всё же. Видно, хорошо рассмотрели меня, и поняли, что у допрашиваемого с носом из «пятой графы» характер «нордическим» быть не может, и такой не то что двойным, но и одинарным агентом не потянет... Хотя, говорят, у них руки тоже длинные. Только, пожалуйста, – не старой кгбешной калошей. Как-нибудь красиво.

Израиль – Аккерман, кладбище – Израиль – Париж – Израиль. Круги... Круги... Сколько их будет ещё?..

Под музыку В. Высоцкого, Высоцкого, Высоцкого...
Я выбрил чисто «фейс»,
Хотел помыть посуду,
Я даже подавил желание убрать...
Но что ей до меня?
Она уже отсюда
Умчалась на такси
«Лекарства раздавать».

Я весь остервенел,
Но дочь сказала: «Тише!
Поехал бы в «ханут»,
Подарок бы купил»...
Всё ж: что ей до меня?
Она была в Париже.
Ей сам Ильевич Г.
Чевой-то говорил.

И тайную мечту
Лелеет сердце в злости:
Когда увидит дар,
Что будем подносить,
Возьмет её слеза, И
вдруг услышат гости:

¹ Трудно (иврит).

«Ах, ну зачем, спасибо.
Тебе... что положить?»

Колыбельная для восемнадцатилетней дочки

Когда бы любовь и надежду связать воедино,
Какая бы, трудно поверить, возникла картина!
Какие бы насминовали напрасные муки...

Булат Окуджава

Повзрослела дочка: восемнадцать ей.
И глаза серьезней, и слова умней.

И уже не скажем: «Мы не разрешим!».
На собраниях в школе больше не сидим.

Не обманешь сказкой о Добре и Зле:
Нет ведь Доброй Феи на больной Земле.

Что ж, всему на свете наступает срок...
Но опять надежды тлеет уголёк:

Уголёк надежды в золоте любви.
Медальончик этот к сердцу прикрови.

Пусть любовь дополнят глаз друзей
пожары
(Среди них, конечно, исобачьих пара).

И душа светлеет, и слезится глаз,
И Закон Булата действует для вас.

Доченьке
Всему свойсрок.
Проходит время.
Кассета Джексона в пыли.
Никитин с Долиной «не в теме».
Скучает Пастернак вдали.

Язык другой уже усвоен,
Что говорил им сам Творец.
И уж вниманьем удостоен
Другой писатель и певец.

* * *

Ты ещё молода...
Я ещё молодой...
Было время: в «ещё» не нуждались.
Жизнь казалась тогда
Полной чашей вина, —
Пить-пьянеть из неё не боялись.

Но трезвела в пути
«Голова во хмелю»,
Душ холодный судьбы принимая.
И теперь уж другие я песни пою...
Ну а ты?.. Впрочем, ты – не седая.

Тем, кто сломан судьбой,
Им уже не понять,
Что для жизни есть мера другая.
Ты – на белом коне,
А я вслед за тобой,
Но на чёрном коне, «молодая».

* * *

Хорошо ли, плохо ли, —
Что прошло, то прожили.

Задали ответы мы,
Не найдя вопрос.
Горечи и сладости.
Год печаль – миг радости.
И досада слёзная:
Не вернёшь.

* * *

Что поделатъ?.. Жизнь проходит.
Не вернуть.
На усталом небосводе
Грусти муть.

И вновь: улыбка мамы, смех Мишутки, ирония папы – на фотографиях памятников...
Тихо здесь... Тепло... Как в раю...

Рай

Здесь благодать и тишина...
Лишь птичья музыка слышна...
Но в неизмученной земле,
Под благодушным небосводом,
Уже заложена война:
Зла во Добре.
Добра во Зле.

О жизни

Я готовлю себе подлянку.
Хочешь – слушай, а хочешь – нет.
Я готовлю себе подлянку
Уже пятый десяток лет.

Не случайно и не халтура,
Я работаю каждый день.
И не мог бы я сделать другую,
И упёрся, как старый пень.

Долог путь, но я не горюю,
Ведь финала близки огоньки,
Где подлянка восторжествует,
То есть я... «отброшу коньки».

Песенка крокодила Герша

Не бегут неуклюже
Все евреи по лужам:
До зимы не видать уж дождей.
А эту пару в жару,
В нашем Израилище,
Угораздило на юбилей.

Соблюдём же приличье,
Сделавчинным обличье,
Поздравлений букет поднесём:
«Будьте нам вы здоровы,
Счастливы – не то слово!
Долго, долго живите вдвоём!».

Но семиты ведь ушлы,
Как известно, покушать,
А ради делаи выпить в жару.
Принимайте ж подарки,

Поцелуй и «бабки»,
И скорее, скорее – к столу!

Припев:

Жизнь играет
С намив прятки
У Фортунына виду.
К утешенью,
Юбилеев —
Много есть в году.

Под музыку Н. Матвеевой, Матвеевой, Матвеевой...
Какой большой «гембель»
Принёс июль парню:
Пяток-другой пьянок
С «хешбона»² сдул деньги.

А тут ещё горе:
Родился сам сдуру
И впопыхах что ли
В свою он влез шкуру.

Но наступил август,
И ждут других тосты.
И на душе радость:
Ведь не к нему гости.

Пройдетёе праздник.
Уйдут к гостям стулья.
Какой большой «гембель».
Ах, какой «цурес»!
А ты не спишь, «демпель»,
В свой телескоп шурясь.

И никакой песни
Не пожелать звонче.
Ну разве что, если
Кто-то придёт «с ночи»
И, подкатясь боком
К лежащему вопросом,
Зевнёт весьма громко,
И захрапит насосом.

Дочуле
Милый друг, синий небосвод

² Хешбон – банковский счёт (иврит)

Не для тех, кто не знает бед.
Кто не пил горечи дорог, —
Не поймёт радости побед.

Суета – грустный наш удел,
Но любви тлеет светлячок,
И, когда разум не у дел,
Может быть сердцу горячо.

Коротка песенка людей.
Пробуждаясь, в небо мы уйдём.
Ты себе верой душу грей, —
Может быть, богами сойдём.

1998

Двадцать первый век
Нависает мрачно.
Двадцать пять годков
Вместе мы идём.
И не скажешь, что —
Жизнь была удачной.
И не скажешь, что —
Весело поём.

Наш сынок-малыш
С ангелами дружит.
Стерва-родина
Выпустила вдруг.
Наша доченька
Ещё год отслужит
И отправится
В свой счастливый круг.

Свадьбы «серебром»
Обернулось время.
Что ж, начнём лепить
«Золотой» узор.
Запоёт «оркестрик»,
Обнадёжив тему,
И обман – его —
Вечный дирижёр.

Константинополь сказался холодным Стамбулом, а ислам – не таким уж страшным, если снимать обувь, когдаходишь в мечеть.

У них, в Одессе, – День смеха... У меня, в Аккермане, – две недели пустоты...

У Жени с Мишей появился ещё один ленинградец: Димка.

* * *

Папа в мыслях *истово*
(Тот ещё артист)
За ребёнка молится,
Полуатеист:

«Боже, дай здоровья
Анне непослушной.
Карьеры, счастья, денег
И покой нескушный.

Потерпи:
Немного у молитвы слов.
Дай ей, Боже, силы
Одолеть врагов.

Ангела-хранителя
Закрепи за ней.
Дай ей ясный разум
Не забыть друзей.

Сохрани ей мужество
В жизненном кругу.
Упаси завидовать
Другу и врагу».

Еле уговорил поехать на могилы. Согласилась. Видимо, только благодаря тому, что обещал поездку в Прагу.

Наконец-то выпустил мамину книгу. Четыре экземпляра, как хотел.

* * *

«О сколько нам открытий “чудных”»
Готовит Время, наш палач.
Не прекратит поток сей мутный
Ни стон, ни смех, ни детский плач.

«...И случай, бог изобретатель...»

Душа дрожит от страха перед вновь «изобретённым» наказанием: погиб Игорёха... Он просто шагнул неверно на дорогу, и тут же подъехал на автомобиле человек со смертельной фамилией и сбил его...

Что ж ты, Игорёшка?! Нельзя, нельзя неверно шагать по минному полю жизни!..

Я был в Аккермане, когда пришёл ночью знакомый и сказал мне о случившемся. Поехал от ужаса в Одессу получить визу в Россию, но по дороге, в «знаменитом» одесском пятом трам-

вае, украли деньги, и клерки российского консульства не поверили (несмотря на телеграмму) и не дали визу...

Вернулся в Израиль и уже оттуда полетел на похороны...

От Ленинграда ничего не осталось: это был уже Санкт-Петербург. Суевливый и злой, «... в золотых тельцах, в дельцах...».

* * *

Страшного Взрыва несчастные дети
Ранят и ранят меня.
Вновь ухожу,
Ухожу в неизвестность
Синего дня.

Израиль – Аккерман, могилы – Израиль – Барселона, Сограда Фамилия – Израиль...

Ноль-холестерин
В нашем доме есть диета, и змея одна
Очень верит, очень хочет похудетьона.

Съел я ноль холестерина и доволен в прах:
Не застрянет сволочь-бляшка
у меня в жилах.

Не застрянет в моём сердце —
буду жить века.
Кровь струится в моих жилах —
не Яркон-река.

Не застрянет, не заманит, не затынет в ночь.
Только и всего проблема:
голод превозмочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.